

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

Українскій

Вѣстникъ

СОДЕРЖАНІЕ

Проф. *М. Грушевскій*. Единство или распаденіе?

Л. І. Голоса объ автономіи.

В. Доманицкій. Два момента.

М. Могилянскій. Аграрные процессы на Украинѣ.

Мв. Франко. Австрійскій кризисъ.

Д. Д. Украинская пресса.

Spectator. На Украинѣ.

Библиографія.

Объявленія.

Цѣна 20 коп.

№ 3

4 Юня 1906 г.

Объщанная для № 3 „Украинскаго Вѣстника“
карта разселенія украинскаго народа, со-
ставленная **А. А. Русовымъ** по даннымъ пере-
писи 1897 года, будетъ помѣщена въ № 4.

Въ непродолжительномъ времени будетъ выходить
въ свѣтъ **Библиотека Украинскаго Вѣстни-**
ка, состоящая изъ брошюръ и книгъ, посвящен-
ныхъ **украинскому вопросу** въ Россіи и въ
Австріи и **національнымъ и общественнымъ**
вопросамъ вообще.

№ 1 **Библиотеки** составитъ брошюра **проф.**
М. С. Грушевскаго „**Національный во-**
просъ и автономія“.

Содержаніе № 2 Украинскаго Вѣстника:

Проф. **М. Грушевскій**. Вопросъ дня.—Проф. **Д. Овсянико-Куликовскій**. Что такое національность? П.—**А. Лотоцкій**. Шаблонъ и жизнь.—**Н. Соколовъ**. Украина въ государственномъ бюджетѣ Россіи.—Проф. **М. Грушевскій**. Украинскій Пьемонтъ.—**М. Могиланскій**. Изъ крестьянскихъ настроеній на Украинѣ.—**С. Русова**. Современныя школьныя нужды на Украинѣ.—**Spectator**. На Украинѣ.—**Замѣтки**.—**Объявленія**.

Українській Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсяннико-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

4-го Іюня 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ
MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 3

Редакція № закончена 2 Іюня

Єднiсть або розпадєнє?

Представители разных партій и теченій нашей современной активной политики въ свои программы и платформы включают, или даже ставятъ во главу угла между прочимъ также принципъ „единой недѣлимой Россіи“. Предполагаю, что это дѣлается не страха ради іудейска и не для успокоенія боязливыхъ и косныхъ умовъ, смущаемыхъ толками о томъ, что принципы свободы влекутъ за собою распадєнє Россіи. Но если такая предпосылка дѣлается искренно и серьезно, если сохраненіе нынѣшняго государственнаго состава признается представителями разныхъ теченій и направленій желательнымъ или необходимымъ, то возникаетъ вопросъ, при какихъ условіяхъ возможно сохраненіе въ цѣлости и нераздѣльности государства такого пестраго и случайнаго состава, какъ Россійская имперія? Какимъ способомъ обезпечить ему единство и цѣлость, послѣ того, какъ всякая внутренняя связь его частей была вытравлена и разрушена даже тамъ, гдѣ она существовала.

Можетъ быть, впрочемъ, случайность этого состава не представляется такъ наглядно и ясно, какъ его пестрота, разнородность, разноплеменность, и моя мысль требуетъ нѣ котораго разъясненія.

Образованіе огромнаго комплекса земель, составляющаго нынѣшнюю Россійскую имперію, было результатомъ факторовъ географическихъ и этнографическихъ, экономическихъ и колонизаціонныхъ, династическихъ и политическихъ; даже

тамъ, гдѣ эти факторы въ отдѣльности дѣйствовали и развивались логически, послѣдовательно, ихъ комбинаціи и производное дѣйствіе перекрещиванія или сочетанія ихъ имѣло часто характеръ весьма случайный, даже съ точки зрѣнія самого государственнаго прогресса „собиравшаго“ ихъ Московскаго государства, а не только съ точки зрѣнія самихъ провинцій, тѣхъ территоріальныхъ или политическихъ тѣлъ, которыя захватывались и вводились, болѣе или менѣе насильственно, въ эту государственную связь.

Напомню лишь такіе факты, что Московское государство, выросши на территоріи волжско-окскаго бассейна, на великорусской почвѣ, считало себя, на основаніи династическихъ традицій, преемникомъ Кіевскаго государства, выросшаго въ экономическихъ условіяхъ днѣпровско-балтійскаго воднаго пути, на территоріи украинской; несмотря на все отличие экономическихъ, колонизаціонныхъ и этнографическихъ условій, московское правительство смотритъ на бывшія провинціи Кіевскаго государства, какъ на сферу своихъ интересовъ, ставитъ задачею своей политики собираніе этихъ „отчинъ“ своей династіи и дѣйствительно въ концѣ концовъ успѣваетъ собрать ихъ почти въ полномъ составѣ (за исключеніемъ Галичины). Включеніе земель литовскихъ и польскихъ было вызвано не какими либо реальными экономическими или политическими интересами Россійскаго государства, а явилось простымъ результатомъ соперничества за спорныя земли, за тѣ историческія „отчины“ московскихъ государей. Расширеніе государственной территоріи на востокъ и сѣверо-востокъ возникло изъ чисто наѣздническихъ авантюръ, въ стилѣ американскихъ конквистадоровъ, не преслѣдовавшихъ никакихъ болѣе глубокихъ цѣлей, кромѣ грабежа мирнаго туземнаго населенія подъ фирмою собиранія дани, и эти „колоніи“ включаются въ составъ государства только благодаря отсутствію какихъ либо рѣзкихъ естественныхъ границъ, по условіямъ сосѣдства и т. д.

Постоянное нарастаніе государственной территоріи развиваетъ съ теченіемъ времени экстенсивную энергію, стремящуюся далѣе двигать и непрерывно развивать процессъ расширенія. Увеличеніе государства становится изъ средства цѣлью государственной политики, преслѣдуется ради самого увеличенія, какъ своего рода государственный спортъ, какъ вопросъ чести и соперничества для отдѣльныхъ правителей. Вопросъ о расширеніи той или другой провинціи, о „присоединеніи“ той или другой народности или территоріи рѣшается не соображеніями о пользѣ и выгодахъ этой территоріи, и даже не объ экономическихъ или политическихъ выгодахъ, какія присоединеніе ея можетъ принести народамъ и областямъ уже входящимъ въ составъ государства: вопросъ рѣшается лишь наличностью силъ—сможетъ ли государство захватить и удержать новое приобрѣтеніе. Дальнѣйшее увеличеніе экстенсивной силы государства становится цѣлью государственной политики, а разные „государственные человѣки“ создаютъ свою карьеру и благополучіе, стараясь вовлечь правительство все въ новыя и новыя предпріятія,—на этомъ поприщѣ подвизались поколѣнія этихъ людей отъ разныхъ малоизвѣстныхъ пріискателей новыхъ „землицъ для великаго государя“, немилосердно грабившихъ эти земли въ свою пользу, до недавнихъ героевъ дальне-восточной авантюры.

Въ концѣ концовъ создалась огромная машина, которой громоздкость и пестрая нескладность не переставала приводить въ умиленіе „патріотовъ своего отечества“, съ гордостью указывавшихъ на то, что машина эта составляетъ шестую часть всей суши и по своему племенному составу далеко оставляетъ за собою вавилонское столпотвореніе. Поколѣнія воспитывались въ этой „народной гордости“ по казеннымъ учебникамъ, упоявшимъ ихъ мысли этими образами грандіозности Россіи, но забывавшимъ объяснить, какую пользу извлекаютъ изъ удовольствія принадлежать къ этому

„колоссу“ входящія въ его составъ народы и земли? Почему это „первое государство въ мірѣ“ является вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ бѣднымъ, самымъ необразованнымъ, самымъ неустроеннымъ государствомъ изъ всѣхъ „цивилизованныхъ странъ“, къ которымъ причислялась Россія? Почему даже земли, составившія ядро этого государства и призванныя въ качествѣ народности „собравшей“ и „создавшей“ его, къ роли народности „господствующей“, „государственной“, не могли при помощи этого „созданнаго“ ими государства выйти изъ состоянія безконечной приниженности и захуданія?

Государство „созидалось“ и „умножалось“ для государства, точнѣе—для правившей имъ бюрократической орды, но чувствовала ли себя какая нибудь изъ входившихъ въ его составъ народностей и провинцій, „княженій и царствъ“, удовлетворенной принадлежностью къ этому государству,—я не знаю. Говорить ли о Сибири — „золотомъ днѣ“ безграничнаго произвола и самовластія правительственныхъ агентовъ, большихъ и меньшихъ? Исторія ея „подъ владычествомъ Россіи“ представляетъ только одинъ ужасный мартирологъ грабежа и издѣвательствъ надъ беззащитнымъ населеніемъ; государство въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ не ставило по отношенію къ ней иныхъ цѣлей, кромѣ возможнаго извлеченія изъ нея всякаго рода богатствъ, а взамѣнъ высылало туда свои отбросы, своихъ „порочныхъ членовъ“, приводившихъ въ ужасъ мѣстное населеніе и ложившихся на него тяжелымъ бременемъ. А другія „княженія и царства“ были ли для государства чѣмъ нибудь большимъ, чѣмъ „источниками государственнаго казначейства“. Производительныя силы Польши не шли ли цѣликомъ на содержаніе армій, имѣвшихъ цѣлью внушать спасительный страхъ „кичливому ляху“, и легіона фискаловъ и шпионовъ, долженствовавшихъ вытравлять, парализовать всякое человѣческое чувство у покореннаго населенія? Украина, добровольно присоединившаяся къ Россіи, чтобы найти успокоеніе подъ покровительствомъ

„единовѣрнаго государя“, не забила ли чрезъ нѣсколько лѣтъ судорожно, какъ пойманная птица, почувствовавъ на себѣ руку развращеннаго и черстваго московскаго подъячаго? Она почувствовала, какъ щупальцы московскаго бюрократическаго спрута проникають внутрь ея, задерживая свободное развитіе, парализуя ея самоуправленіе и самоопредѣленіе, внося смуту и раздѣленіе. Въмѣсто облегченія и успокоенія пришлось наряду съ продолжавшейся борьбой съ фронта, обращеннаго къ Польшѣ, вести оборонительную борьбу съ притязаніями московской централизаціи, съ стремленіями московскаго правительства ограничить автономныя права Украины, ввести бюрократическое управленіе въ ея народоправную организацію, захватить ея доходы въ свои руки и ввести московское обложеніе, уничтожить автономный выборный церковный строй, подчинить московской цензурѣ ея духовную жизнь и т. д., и т. д. Этой борьбѣ на два фронта Украина не выдержала, подорванная въ самыхъ основаніяхъ своей народной жизни политикой московской бюрократіи, старавшейся всячески усилить рѣзнь между ея народными массаами и руководящими кругами старшинъ и духовенства,—ея политическая жизнь пала, и за лишеніе автономіи она была вознаграждена крѣпостнымъ правомъ, паденіемъ народнаго образованія, цензурными гоненіями на украинскій языкъ, преслѣдованіемъ всякихъ проявленій національныхъ стремленій, доходившихъ до послѣднихъ крайностей, до полныхъ абсурдовъ.

„Княженія и народы“ влеклись, какъ закованные невольники, за триумфальной колесницей правящей бюрократіи, и толпа ихъ все увеличивалась къ удовольствію заказчиковъ одобренныхъ учебниковъ исторіи и географіи. Тюрьма народовъ разрослась и расширяла свои помѣщенія, увеличивала свои штаты и оклады и умножала армію на вербованныхъ изъ отбросовъ тѣхъ-же народовъ опричниковъ, охра-

нявшихъ камеры арестантовъ и разрабатывавшихъ все новые и новые проекты предупрежденія и пресѣченія.

Теперь, когда возставшій народъ разбиваетъ двери все-россійской бастиліи, тюремщики поднимаютъ крикъ, пугая народъ тѣмъ, что, въ случаѣ ея разрушенія, готовы разбѣжаться всѣ эти заключенные „хняженія и царства“, „покоренные народы“, и эти крики, дѣйствительно, вызываютъ извѣстное впечатлѣніе среди массъ, столько вѣковъ воспитанныхъ въ упоеніи своего „господства“. Представители „покоренныхъ народовъ“ отвѣчаютъ увѣреніями, что они вовсе не замышляютъ удирать изъ дома предварительнаго заключенія, въ которомъ содержались до сихъ поръ, и останутся вѣрными единству и нераздѣльности Россіи,—и такія заявленія повторяются въ послѣднее время на разные лады, какъ со стороны угнетенныхъ народностей, такъ и сочувствующихъ имъ представителей русскаго общества—что эти народности отнюдь не хотятъ выйти изъ состава Россійскаго государства и не выйдутъ, что они дорожатъ единствомъ Россіи и т. д.

Я думаю, однако, что эти увѣренія, въ какихъ бы сильныхъ и горячихъ выраженіяхъ они не предлагались, не имѣютъ ни для кого особой убѣдительности. Во первыхъ, завѣренія отдѣльныхъ представителей не могутъ считаться за vox populi; во вторыхъ, увѣренія, хотя бы и клятвы на кандалахъ, которыя даются невольниками предъ выпускомъ ихъ на свободу, не внушаютъ никогда особаго довѣрія. Жизнь идетъ и развивается и своею стихійною силою беретъ верхъ надъ трактатами и формулами, будутъ ли они сочинены бюрократическими дипломатами или вождями, выдвигаемыми въ моменты народныхъ движеній. Полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ, логическимъ завершеніемъ запросовъ національнаго развитія и самоопредѣленія всякой народности, занимающей опредѣленную территорию и обладающей достаточными задатками

и энергією развитія. Если, во времена реакціи ходячимъ возрѣніемъ, отождествлявшимъ понятія націи и государства, представители не-государственныхъ народностей бывали часто склонны отрицать важное значеніе политической независимости для національнаго развитія, доказывая, что народность, лишенная самостоятельной государственности, можетъ такъ же хорошо развиваться, какъ и государственная, то эти взгляды, несомнѣнно, впадаютъ въ крайность и истина и тутъ лежитъ по срединѣ. Народность для своего развитія не нуждается непременно въ политической самостоятельности, но эта самостоятельность, при отсутствіи особенно неблагоприятныхъ условій (какъ, напр., изъ рукъ вонъ плохой государственной строй, неблагоприятное международное положеніе и т. п.), является наибольшою гарантією полного и нестѣсненнаго національнаго развитія, обезпеченіемъ отъ эксплуатаціи экономическихъ и культурныхъ силъ народности на чуждыя ей цѣли чужимъ государственнымъ строемъ и т. д. Въ виду этого отъ стремленій къ созданію собственнаго государства можетъ удержать только сознаніе выгодъ и удобствъ, какія даетъ принадлежность къ данному государственному союзу, отсутствіе въ немъ стѣсненій полному и всестороннему развитію національныхъ силъ, отсутствіе эксплуатаціи ихъ государствомъ въ чужихъ интересахъ или на цѣли непроизводительныя и т. д.

Говоря о выгодахъ, я оставляю въ сторонѣ тѣ, какія даетъ извѣстной народности ея привилегированное положеніе въ государствѣ и возможность подъ его покровомъ и защитой эксплуатировать для себя средства и силы другихъ народностей. Напр., венграмъ, вѣрнѣе—правлящимъ венгерскимъ классамъ, не выгодно разрывать совершенно связь съ Австріей, такъ какъ эта связь обезпечиваетъ имъ поддержку австрійской арміи и правительства для господства надъ невенгерскими народностями Венгрии; австрійскіе поляки должны дорожить Австріей, такъ какъ она обезпечиваетъ имъ го-

сподство надъ украинскимъ населеніемъ восточной Галиціи, и т. д. Въ свободномъ, благоустроенномъ государствѣ такія аномаліи невозможны. При разумной и благожелательной экономической политикѣ должны смягчиться также формы экономической эксплуатаціи однѣхъ областей другими, которую мы часто наблюдаемъ въ современныхъ государствахъ, гдѣ однѣ области развиваютъ свои экономическія силы за счетъ другихъ, являющихся въ концѣ концовъ батраками, работающими на своихъ, болѣе культурныхъ и экономически развитыхъ, сочленовъ; такъ, напр., въ той-же Австріи западныя провинціи—т. е. представители ихъ капиталистическаго и промышленнаго класса, держатъ въ положеніи пассивнаго рынка, *Hiipretland'a*, провинціи восточныя, парализуя въ нихъ всякіе зачатки промышленности.

Но и независимо отъ такихъ выгодъ, проистекающихъ изъ недочетовъ строя современныхъ государствъ и ихъ управленія, принадлежность къ большому и хорошо организованному государственному союзу можетъ дать экономическому и культурному развитію народностей и областей, входящихъ въ его составъ, очень много выгодъ, не связанныхъ съ эксплуатаціей другихъ народностей и областей, какъ большій просторъ и свобода экономического обращенія, какъ созданіе болѣе крупныхъ и совершенныхъ просвѣтительныхъ и культурныхъ учреждений, какъ бѣльшая обезпеченность отъ международныхъ осложненій и притѣсненій. Если при этомъ мирное развитіе областной и національной жизни, въ формѣ ли федераціи, или хорошо поставленной автономіи, гарантируется отъ стѣсненій и эксплуатаціи государствомъ или другими его областями, то народность или область, входящая въ составъ такого благоустроеннаго государственнаго союза, едва ли рискнетъ тѣми выгодами, которыми она пользуется, для достиженія полной государственной независимости. Даже такія удовольствія, какъ собственныя марки и деньги, собственный дворъ и армія, собственные жандармы и тюрьмы, вполнѣ

примиримы съ сохраненіемъ государственнаго единства; но менѣе прихотливое общество охотно лишаетъ себя этихъ изысканныхъ удовольствій, уступая ихъ за болѣе простую, но здоровую похлебку обезпеченія свободы культурнаго и общественнаго самоопредѣленія, нестѣсняемаго національнаго развитія, возможности свободно устраивать и распоряжаться своими мѣстными отношеніями и средствами, всего того, что даетъ ему федеративный или широко поставленный автономическій строй государства.

Такъ, въ Швейцаріи три отрѣзка сосѣднихъ національныхъ территорій — нѣмецкой, французской и итальянской — предпочитаютъ свое международное государство соединенію съ сосѣдними національными своими государствами. Они выше цѣнятъ свою федеративную жизнь въ государствѣ, оставляющемъ имъ всю широту самоопредѣленія и самоуправления и не эксплуатирующемъ ихъ средства на содержаніе армій и дворовъ, на чуждые ихъ интересамъ задачи имперіалистической или династической политики, и не чувствуютъ никакого влеченія къ милитарному и полицейскому строю Италіи или Германіи, къ централистическому устройству Франціи. Совершенно различныя по складу экономической и культурной жизни, традиціямъ, даже этнографическому составу, области Сѣверной Америки мирно уживаются благодаря широко проведенной областной федераціи, и тяготѣніе къ сожителству, сочетавшему единство государственной жизни съ широчайшимъ самоопредѣленіемъ областей, преодолѣло вѣковую рознь и антипатію южанъ и сѣверянъ, испанскаго юго-запада и пуританскаго сѣверо-востока. Широкой федеративный строй не препятствуетъ здѣсь развитію внутренней центростремительной силы, доходящей даже до такихъ крайностей, какъ имперіализмъ или лозунгъ: „Америка для американцевъ“.

Эти примѣры такъ прочно объединенныхъ въ своемъ федеративномъ строѣ государствъ должны успокоить людей,

озабоченныхъ сохраненіемъ единства Россіи и желающихъ сохранить его при перестройкѣ Россіи на новыхъ началахъ свободы и самоопредѣленія, вѣрнѣе—создать ей внутреннее единство, какого она не имѣла до сихъ поръ. Ихъ мы имѣемъ въ виду, а не ночныхъ птицъ, криками о распаденіи Россіи старающихся спугнуть русское общество съ пути освобожденія. Если разумѣть единство какъ внутреннюю, присущую самому составу государства силу тяготѣнія и сцѣпленія, то такого единства Россійская имперія, вѣдь, до сихъ поръ не имѣла: подневольное существованіе, охраняемое арміею штыковъ и нагаекъ, — какое же это единство! Даже тамъ, гдѣ была нѣкогда какая-либо внутренняя связь, внутреннее тяготѣніе, его разрушили до конца гнетъ и эксплуатація правящей бюрократіи. Тюрьма народовъ можетъ сохранить своихъ жильцовъ, лишь пока заперта и охраняется; въ ней нѣтъ добровольныхъ жильцовъ. Послѣ цѣлаго ряда вѣковъ подневольные члены Россійскаго государства лишь на нашихъ глазахъ почувствовали впервые внутреннее единство и общность интересовъ, и этимъ единствомъ было единство борьбы съ угнетавшимъ ихъ строемъ, гнѣвное движеніе противъ произвола и гнета, едино и нераздѣльно царившаго на пространствѣ „единого“ государства. Въ сознаніи возможности свергнуть это общее иго, разбить цѣпи, сковывавшія одинаково и „покоренные народы“ и разныя области и части государственнаго — великорусскаго народа, объединились въ одну армію ихъ представители и дружно пошли на общаго врага. Разойдется ли эта армія по окончаніи своего военнаго подвига или также дружно, общими силами, она поведетъ дѣло созиданія и благоустроенія своего союза для цѣлей мирнаго производительнаго труда—вотъ въ чемъ вопросъ дальнѣйшаго.

Кто скомандуетъ этой арміи борцовъ за свободу разоружиться и вернуться обратно въ свои камеры заключенія? Я не допускаю подозрѣній, чтобы вожди нынѣшняго осво-

бодительнаго движенія надѣялись, или намѣревались ограничиться только перемежною вывѣски на старой казармѣ, замѣнивъ централизмъ абсолютистическій централизмомъ конституціоннымъ, не допускаю не только потому, что считаю этихъ вождей неспособными на подобное предательство, но и потому, что считаю такіе планы совершенно безнадежными. Великая революція встрѣтила маленькаго капрала, умѣвшаго разоружить вооруженный народъ и возвратить его на службу буржуазіи; но понадобились бы, вѣроятно, цѣлые взводы такихъ капраловъ, которые умѣли бы привести возставшіе теперь народы и области Россіи подъ иго централизма. А маленькіе капралы приходятъ лишь изрѣдка и въ одиночку, и рассчитывать на цѣлый взводъ ихъ, конечно, невозможно.

Положеніе совершенно ясное, и также ясно и то, что тутъ нѣтъ мѣста для торговъ, компромиссовъ, дипломатическихъ уловокъ. Тотъ механической конгломератъ, лишенный всякаго внутренняго сцѣпленія и сдерживаемый лишь внѣшнею силою, какой представляла собою старая Россія, можно удержать въ единствѣ при подавленіи національной и областной жизни его составныхъ частей только системою принудительнаго подавленія, „предупрежденія пресѣченія“. Такая политика въ будущемъ потребовала бы чрезвычайнаго напряженія силъ „государственной народности“, отвлекла бы ея средства и силы отъ реальныхъ и позитивныхъ задачъ созидательной работы, исказила бы государственный строй и въ концѣ концовъ — окончилась бы полнымъ фіаско. Если, напр., Германія, при огромномъ преобладаніи нѣмецкаго элемента надъ инородными, имѣетъ возможность, хотя бы цѣною искаженія нормальнаго теченія государственной жизни и государственнаго строя, вести политику подавленія, „искорененія“ (ausrotten) польской народности, по крайней мѣрѣ до времени, то я рѣшительно не вижу, гдѣ та почва, та Архимедова точка, на которой

конституціонное правительство Россіи могло бы опереться въ стремленіяхъ централистическихъ, въ политикѣ подавленія національной и областной жизни. Великорусская народность составляетъ меньшую половину населенія имперіи, и среди нея самой нѣтъ общихъ стремленій къ централистическому единству, а, наоборотъ — совершенно ясно выступаютъ стремленія къ областной автономіи. Поэтому всякая попытка къ сохраненію централистическаго строя въ новой, обновляемой Россіи была бы покушеніемъ съ негодными средствами, съ точки зрѣнія сохраненія единства Россіи чрезвычайно вреднымъ, такъ какъ оно только усилило бы центробѣжную энергію ея. Стихійная сила стремленій къ полнотѣ національной жизни, къ мѣстному и національному самоопредѣленію все равно преодолѣла бы эти препятствія и въ своемъ размахѣ весьма легко могла бы привести къ полному распаденію нынѣшней Россіи.

Сохранить, или, вѣрнѣе—создать единство Россіи можно лишь путемъ развитія въ ней внутренняго тяготѣнія и сцѣпленія, а оно можетъ вырасти лишь изъ сознанія, что принадлежность къ государственному союзу даетъ слишкомъ осязательныя удобства, чтобы стоило рисковать ими и ставить на карту мирное теченіе жизни для осуществленія разрыва. Съ одной стороны—къ созданію такого тяготѣнія можетъ привести усиленная работа надъ улучшеніемъ государственнаго строя и хозяйства, его культурныхъ и экономическихъ средствъ и силъ; съ другой стороны—устраненіе всякой эксплуатаціи и подавленія мѣстной—областной и національной жизни интересами и жизнью государственной. Параллельную работу въ обоихъ этихъ направленіяхъ нужно повести немедленно. Одновременно съ усиліями, направленными на улучшеніе общаго строя, нужно немедленно вступить на путь созданія такихъ условій, которыя дали бы возможность нестѣсняемаго существованія и развитія національныхъ и областныхъ составныхъ частей государства, которыя превратили бы камеры

предварительнаго заключенія въ свободныя квартиры, въ которыхъ члены государственнаго союза чувствовали бы себя полноправными и свободными жильцами, а не подневольными узниками. Путь къ этому—это широкое проведеніе принципа національно-территоріальной и областной автономіи и обезпеченія національныхъ правъ всѣхъ народностей на ихъ территорияхъ и внѣ ихъ. И въ проведеніи этихъ принциповъ залогъ сохраненія единства Россіи.

Проф. М. Грушевскій.

Толоса объ автохоніи.

Образованіе въ Государственной Думѣ отдѣльной парламентской группы—союза автономистовъ—напомнило о старомъ и наболѣвшемъ вопросѣ автономіи и возобновило давніе, все еще не порѣшенные споры о взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ народностей въ государственномъ союзѣ. Среди отзывовъ печати по этому вопросу нужно отмѣтить двѣ газетныя статьи, затрагивающія каждая по своему запутанный вопросъ.

„Народный Вѣстникъ“—органъ одного изъ лѣвыхъ направлений, посвятилъ новой парламентской группѣ программную статью (№ 10.). Съ самаго начала здѣсь ясно и опредѣленно намѣченъ исходный пунктъ обещанія затронутаго вопроса: „мы, какъ социалисты, должны и будемъ вести ожесточенную непримиримую борьбу противъ всякаго угнетенія и всякой несправедливости“. Такой гнетъ, государственно-ассимиляторская политика вредны уже потому, что задерживаютъ постепенное развитіе народа, навязывая ему готовую чужую культуру въ чуждой ненациональной мало-доступной формѣ. Съ другой стороны—говорится далѣе—такое угнетеніе вызываетъ въ населеніи фанатическую слѣпую привязанность къ своимъ особенностямъ и національнымъ признакамъ. Такимъ образомъ, преслѣдуя далекую цѣль братства народовъ и проповѣдуя борьбу со всѣмъ, что встаетъ помѣхою на пути къ такому братству, представители партіи рѣзко и опредѣленно высказываются противъ ходячаго безсодержательнаго космополитизма и кладутъ въ основу культурнаго развитія народа національную самобытность: національное для нихъ есть „форма усвоенія и воплощенія всемірнаго всечеловѣческаго прогресса“. Не забыта, ко-

нечно, при этомъ и опасность національной исключительности, но она не такъ велика для настоящаго времени,—это преходящее явление, „законная и понятная реакція противъ политики наслѣдственнаго (по всей вѣроятности нужно читать—насильственнаго) объединенія и чрезмѣрнаго централизма“, а на будущее—коррективомъ явится медленно, но неизмѣнно упрочивающіяся связи отдѣльныхъ народовъ между собою. Стараясь итти серединою между безпочвеннымъ космополитизмомъ и исключительнымъ въ своемъ самоослѣпленіи национальнымъ шовинизмомъ—представители партіи высказываются за „федеративный строй, за широчайшее развитіе мѣстнаго самоуправленія, за культурную автономию народностей“, при чемъ право на самоопредѣленіе дается самымъ фактомъ того глубокаго культурнаго различія, который раздѣляетъ человѣчество на отдѣльныя національности“.

Если вдуматься въ эти выводы, то легко замѣтить, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ благожелательнымъ къ здоровому трезвому национализму взглядомъ социалистовъ-теоретиковъ. Но практическихъ указаній не дано: воздерживаясь отъ частныхъ и деталей, авторъ статьи намѣчаетъ лишь общій взглядъ партіи по затронутому вопросу и этимъ отсутствіемъ дальнѣйшаго выясненія объясняется опущеніе принципа этнографическаго опредѣленія территоріи, замѣннаго неясною формулою „культурной автономіи народностей“. А между тѣмъ давно уже пора вывести вопросъ объ автономіи изъ круга теоретическихъ обсужденій и поставить его на практическую почву.

Рядомъ съ этою благожелательною оцѣнкою союза автономистовъ и национальныхъ стремленій совсѣмъ иначе звучитъ статья въ „Рѣчи“ (№ 72), появившаяся въ этомъ органѣ безъ подписи, какъ отраженіе взглядовъ, существующихъ въ средѣ партіи народной свободы. Сначала высказывается здѣсь сомнѣніе, во время ли подняты національные вопросы. Въ противоположность дѣйствительно первостепеннымъ задачамъ, національные вопросы не являются для автора статьи важными и неотложными. Когда идетъ споръ о вопросахъ первостепенной важности, нельзя отвлекать вниманіе менѣе существеннымъ вопросомъ, а тѣмъ болѣе опасно создавать новую политическую группу, для которой этотъ вопросъ занимаетъ первое мѣсто въ

контрастъ большинству состава Думы и может послужить ферментом отпаденія отъ этого большинства.

Союзъ автономистовъ и въ другомъ отношеніи не удовлетворяетъ автора; союзъ этотъ—замѣчаетъ авторъ—вещь непрочная и случайная. Здѣсь объединены самые разнообразныя элементы. Автономія однихъ народностей—„поставлена жизнью и поддержана національнымъ инстинктомъ“, раздѣляется всѣмъ народомъ и имѣетъ за собою долгую исторію, для другихъ народностей автономныя стремленія отвлеченнаго и квижнаго происхожденія, недавнее созданіе интеллигенціи и не имѣютъ подъ собою прочной почвы. Слѣдовательно, не всякое требованіе автономіи является для автора серьезнымъ и не всякая народность можетъ быть удовлетворена въ этомъ своемъ законномъ—казалось бы—требованіи.

Указавъ въ теоретическомъ обсужденіи на это коренное—по его мнѣнію—различіе между отдѣльными народностями, входящими въ составъ новаго союза, авторъ пробуетъ подойти къ тому же вопросу и съ другой стороны, указывая отдѣльнымъ народностямъ, представленнымъ въ этомъ союзѣ, на возможность полученія желаемаго и внѣ общихъ требованій цѣлою автономною парламентскою группою: зачѣмъ соединяться отдѣльнымъ народностямъ въ союзъ, зачѣмъ связывать свое законное дѣло съ гадательными требованіями другихъ народностей, когда можно добиться исполненія своихъ желаній самостоятельно, каждый самъ за себя. Авторъ прямо называетъ тѣхъ „счастливицевъ“, чье дѣло—по его мнѣнію—ясно и вѣрно, которые и безъ помощи союза, безъ помощи круговой поруки въ осуществленіи общихъ стремленій, могутъ получить желаемое: это поляки, евреи, мусульмане...

Ну, а остальные, спросимъ мы у автора? Всякому ясно, что стремленіе разьединить связанныхъ единствомъ цѣли членовъ союза перспективою удовлетворенія ихъ желаній по-одиночкѣ, это стремленіе договариваться съ каждымъ отдѣльно внѣ контроля сплотившихся союзниковъ, это выдѣленіе на первую линію привилегированныхъ народностей, всѣ эти приемы не могутъ быть одобрены. Но помимо этого, на чемъ опирается авторъ, выдвигая впередъ тѣ народности, чье дѣло—по его мнѣнію—вѣрно и ясно? Что указываетъ ему на не-

отложность удовлетворенія желаній однѣхъ народностей и на несостоятельность желаній другихъ народностей, гдѣ разница и критерій для такого раздѣленія? Можно ли такъ опредѣленно заявлять, что давняя идея раздѣляетъ весь народъ, а тѣ—лишь интеллигенція, не разузнавъ предварительно о желаніяхъ и стремленіяхъ этой далекой и неясной массы народа? „Другія (задачи) только вчера родились“... но если только вчера до хроникера русской жизни дошла вѣсть объ украинскихъ стремленіяхъ, это не значитъ еще, что они только вчера и родились. Стремленія эти существовали давно и лишь вѣшнія условія не давали мѣста ихъ развитію, не давали возможности полного обнаруженія и всесторонняго проведенія въ жизни. Даже и дѣйствительно недавно сложившееся стремленіе нельзя третировать только потому, что оно вчера родилось. Развитіе народа не всегда идетъ одинаковымъ темпомъ, для нашего „сегодня“ наше „вчера“ ушло уже въ далекое прошлое. Жизнь настойчиво выдвигаетъ свои требованія, не справляясь объ исторической давности, и что вчера было смутнымъ невысказаннымъ желаніемъ и лишь для немногихъ складывалось въ ясный опредѣленный образъ, сегодня становится практическою формулою и лозунгомъ партіи и всеобщимъ яснымъ стремленіемъ массъ.

Таковы главныя возраженія, какія сами собою возникаютъ при чтеніи статьи. Здѣсь въ разбираемой статьѣ—нѣтъ ясныхъ указаній, имѣлъ ли въ виду неизвѣстный авторъ выяснить отношеніе своей партіи къ затронутому вопросу, но въ той же газетѣ „Рѣчь“ въ другой статьѣ вопросъ объ автономіи ставится и намѣчается именно съ точки зрѣнія партіи конституціонно-демократической. Эта статья проф. Щепкина: „Националисты ли мы?“ (№ 83 отъ 26 мая). Авторъ начинаетъ съ прямого указанія, что „партія к.-д. идетъ на „встрѣчу“ всѣмъ наиболѣе сильнымъ стремленіямъ инородцевъ и ино- „вѣрцевъ и берется добыть имъ и бережно охранять право на ихъ „культурно-національное самоопредѣленіе“, но съ другой стороны—оговаривается, что „конституціоналисты-демократы отнюдь не романтики XX-го вѣка и всего менѣе археологи въ политикѣ“. Однако, въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ не даетъ прямыхъ указаній, что бы

съ точки зрѣнія к.-д. программы могло считаться законными національными стремлениями народностей.

За то проф. Щепкинъ переходитъ къ выясненію общаго отношенія к.-д. партіи къ поставкѣ національнаго вопроса. Партія не ставитъ національный вопросъ, какъ вѣчто совершенно самостоятельное, для нея „охрана безразличныхъ особенностей въ жизни массъ и „племень не есть самостоятельная цѣль партіи, а только попутный „добавочный выводъ изъ вѣкоторыхъ частей ея программы“. Изъ принципа равноправія, признанія личной свободы и требованія децентрализаціи—каковыя партія к.-д. включаетъ въ свою программу, какъ основные пункты—само собою слѣдуетъ признаніе различія національностей, право личности „на свой языкъ, свою вѣру, свою „мысль, на своеобразный частный и общественный бытъ“; наконецъ, принципъ децентрализаціи—ставимый партіею к.-д. въ основу нормальнаго строя—этотъ принципъ приведетъ къ территоріальной автономіи, а затѣмъ „въ будущемъ“ и къ „автономіи чисто національной“... Такимъ образомъ, по мнѣнію автора — партія не ставитъ спеціально національнаго вопроса, а только—поддерживая равноправіе, личную свободу, самоуправленіе областей — не будетъ отказываться отъ вытекающей изъ этихъ основныхъ задачъ — косвеннаго результата— „защиты національнаго самоопредѣленія“. Это, такъ сказать, побочные продукты производства, не въ защитѣ національных стремленій суть, но если и она между прочимъ получается, и то хорошо, пригодится кому-нибудь.

Допуская такимъ образомъ законность національных стремленій, общіяя — отъ имени к.-д. партіи—содѣйствовать защитѣ негосударственными народностями національнаго самоопредѣленія,—содѣйствовать, конечно, между прочимъ, такъ какъ у партіи задачи важнѣе и выше,—авторъ, однако, предупреждаетъ, что нельзя придавать слишкомъ большаго значенія національнымъ признакамъ и національному средству. „Для партіи народной свободы, силой, связующей „между собой гражданъ, является не столько раса и не общность „или родство языка, сколько выгоды симбіоза или психическая связь, „установившаяся въ силу историческаго сожителства“. Для под-

твржденія этого положенія указываетъ авторъ на финляндцевъ и вообще „нерусскія племена на окраинахъ“, которыя „всѣ слились съ общерусскимъ освободительнымъ движеніемъ“ и „психически срослись въ единый россійскій народъ подъ вліяніемъ одинаковыхъ общественныхъ эмоцій и душевныхъ волненій отъ переживаемыхъ „сообща историческихъ процессовъ“. Для примѣра обоюдныхъ выгодъ „симбіоза“ авторъ указываетъ на пользу совмѣстнаго сожителства русскаго населенія съ евреями, играющими извѣстную роль въ качествѣ „закваски торгово-спекулятивнаго броженія“ въ косной земледѣльческой или промысловой средѣ.

Въ такихъ-то чертахъ намѣчаетъ авторъ отношеніе партіи к.-д. къ національному вопросу. Остается не вполне ясною для читателя сама руководящая идея проф. Щепкина, что именно имѣлъ онъ въ виду: оправдать ли партію народной свободы въ излишней снисходительности къ національному вопросу или, наоборотъ, подчеркнуть такую снисходительность партіи. Отношеніе к.-д. партіи къ національному вопросу не отличается опредѣленностью, какъ недавно замѣтилъ и „Народный Вѣстникъ“ (№ 18, статья Автонова); какъ бы то ни было съ деталями, но общій выводъ остается тотъ, что партія народной свободы не признаетъ за національнымъ вопросомъ самостоятельнаго значенія. Это принципиальное умаленіе національнаго вопроса, на самомъ дѣлѣ имѣющаго громадное значеніе, является несомнѣннымъ упущеніемъ въ программѣ к.-д. партіи.

А. Г.

Два момента.

(1767—1906 гг.).

Со времени присоединения правобережной и лѣвобережной Украины къ Московскому царству (1654 г.) украинскій народъ, въ лицѣ избранниковъ своихъ,—въ настоящее время членовъ Государственной Думы, участвуетъ въ рѣшеніи дальнѣйшей судьбы своей и судьбы прочихъ народовъ, населяющихъ Россію, не впервые. Сто сорокъ лѣтъ тому назадъ и сто двадцать два года спустя послѣ присоединенія Украины къ Россіи, въ 1767 году, по инициативѣ молодой, недавно вступившей на престолъ императрицы Екатерины, открыла дѣйствія знаменитая екатерининская коммиссія для сочиненія проекта новаго Уложенія и для совѣтовъ о способахъ къ достиженію общенароднаго благоденствія. Нѣтъ спора, что основные мотивы, побудившіе имп. Екатерину и нынѣшнее правительство наше создать людей, довѣриемъ населенія обремененныхъ, далеко не одинаковы, но конечныя цѣли обоихъ созывовъ, результатъ ихъ и даже способъ ихъ осуществленія, въ обоихъ случаяхъ, имѣютъ много общаго. Какъ въ 1767 г., такъ и въ 1906, система выборовъ депутатовъ далека отъ совершенства, съ той лишь разницей, что въ настоящее время каждое сословіе, въ той или иной степени, участвовало въ выборахъ и имѣетъ своихъ представителей въ Думѣ, а при Екатеринѣ депутатовъ посылали лишь свободныя сословія: шляхетство, казаки и горожане; самое же многочисленное, наиболѣе отягощенное и воніявшее къ справедливости сословіе, не имѣло въ коммиссіи голоса, не могло рассказать о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Всѣхъ депутатовъ отъ Украины находилось въ коммиссіи 34: отъ шляхетства и казаковъ было избрано по 11 человѣкъ, отъ горожанъ 10 и отъ Запорожья 2. способъ избранія депутатовъ отъ шляхетства и горожанъ былъ прямой, а отъ казаковъ—двухстепенный, причемъ какъ и теперь, такъ и тогда не было недостатка въ замѣтномъ вмѣшательствѣ въ избирательную борьбу и въ сочиненіе наказовъ не только со стороны

низшихъ административныхъ агентовъ, но и самого графа Румянцева. Правительственное давленіе измѣрялось не случаями, но было постояннымъ явленіемъ, какъ свидѣлствуютъ о томъ факты изъ наказовъ. Помимо личнаго давленія Румянцева на выборы и сочиненіе наказовъ, въ немъ принимали надлежащее участіе командированные графомъ для присутствія на выборахъ чиновники и тѣ изъ шляхетскихъ предводителей, которые стремились поддѣлаться подъ настроеніе столичныхъ вѣнній и готовы были оказать всяческія услуги малороссійскому генераль-губернатору. Были предводители, не уступающіе многимъ нашимъ современнымъ предводителямъ дворянства и земскимъ начальникамъ, которые сами изъ собственнаго усердія прилагали стараніе для очищенія наказовъ отъ „закоренѣлыхъ предразсужденій“, и когда въ одномъ случаѣ (въ Стародубѣ) такая операція не удалась, Румянецъ предписалъ предосудительный наказъ уничтожить и замѣнить его новымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ прошеній, „кои не согласуются съ пользою настоящаго времени“. Въ другомъ случаѣ (въ Черниговѣ), по приказу Румянцева, казачьему депутату было вовсе запрещено принимать указы сотенныхъ повѣренныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нихъ пишутся „вовсе до нихъ не надлежащее“, но всѣ такія предупредительныя и предохранительныя мѣры мало помогли, и малороссійскіе указы 1767 г. представляютъ какъ бы заранѣе подготовленный отвѣтъ украинскаго народа на политику Екатерининскаго царствованія и даютъ цѣнный матеріалъ для оцѣнки самосознанія и мировоззрѣнія старой Украины, заявившей о себѣ, какъ объ особой культурно-исторической единицѣ, желающей жить, управляться и развиваться на основаніи давнихъ своихъ привилегій, правъ и законовъ: „чтобъ всѣмъ онаго малороссійскаго народа чинамъ остаться вѣчно при своихъ правахъ, привилегіяхъ, преимуществахъ, вольностяхъ, свободахъ и обыкновеніяхъ тѣхъ самыхъ, на которыхъ они состояли подъ королями польскими и великими князьями литовскими безъ всякаго нарушенія и отчужденія“. Въ этихъ наказахъ, къ которымъ приближались лишь указы лифляндскихъ и эстляндскихъ, единственныхъ тогда „украинныхъ депутатовъ“, украинскій народъ, устами своихъ немногихъ представителей, въ наказахъ своихъ какъ бы подводилъ итоги совмѣстной жизни съ Великою Россіею. Здѣсь въ наказахъ мы найдемъ довольно яркую картину прошлаго и настоящаго Украины, здѣсь же черпаемъ матеріалъ для сравненія и оцѣнки различныхъ взглядовъ русскаго правительства и украинскаго народа на одинъ и тотъ же предметъ: упадокъ и разложеніе внутренняго строя въ Украинѣ, не подвергавшагося кореннымъ реформамъ съ самаго момента воссоединенія, т. е. то же, что и въ нака-

захъ многимъ депутатамъ 1906 года и въ постановленіяхъ парламентскихъ національныхъ группъ, въ томъ числѣ и наиболѣе солидной, украинской, съ той, конечно, разницей, какую принесъ съ собою продолжительный періодъ времени, протекшій со времени созыва комиссіи 1767 года.

Сравнивая теперешнихъ депутатовъ Государственной Думы, выступающихъ довольно часто, въ качествѣ краснорѣчивыхъ ораторовъ, по вопросамъ общественнаго характера, равно дорогимъ для всего населенія Россіи, съ депутатами екатерининской комиссіи, — убѣждаемся, что сравненіе оказывается не въ пользу послѣднихъ, говорившихъ въ комиссіи довольно мало и оживлявшихся только тогда, когда рѣчь заходила объ ихъ краѣ, привилегіяхъ и вольностяхъ. При этомъ, въ такихъ случаяхъ, украинскіе депутаты старались подчеркнуть передъ сотоварищами по комиссіи, что они, малороссіянне, особый „благоприсоединившійся народъ“ и потому считаютъ своимъ законнымъ правомъ пользоваться привилегированнымъ положеніемъ. Весьма яркой, проходящей красной нитью черезъ всѣ наказы чертой являются страстныя и дѣятельныя хлопоты украинскихъ представителей остаться на томъ положеніи, на какомъ народъ Малороссійскій, „не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избранію единоувѣрія, добровольно подданство учинилъ и къ Великороссійской Державѣ благоприсоединень“, причежъ такое желаніе не было специальнымъ желаніемъ одного какого-либо сословія, но являлось отраженіемъ всеобщаго настроенія и чаяній всей Украины; и, дѣйствительно, не было ни одного наказа, гдѣ бы такъ или иначе не говорилось объ этомъ и гдѣ бы прошлое украинскаго народа не выставлялось идеаломъ и для будущей общественной жизни Украины. Какъ ни дурно было это прошлое, съ его застоємъ въ формахъ общественной жизни, подвергающейся болѣе столѣтія не эволюціи, а постепенному коверканію, постоянному искаженію, но національное самосознаніе украинскихъ депутатовъ екатерининской комиссіи, не будучи глубокимъ — по широтѣ было несравненно сильнѣе такового въ настоящій моментъ. Наказы екатерининскихъ депутатовъ признавали, что многое въ общественномъ строѣ Украины нуждается въ освѣженіи и поправкѣ, и предоставляли это сдѣлать самой императрицѣ по ея волѣ и усмотрѣнію, но высказывались въ то же время за безусловное сохраненіе вольностей, главныхъ, коренныхъ особенностей Украины, что подчеркивали, какъ казацкіе, такъ и шляхетскіе и городскіе депутаты. Городскіе, напр., депутаты (г. Лубень) опираются въ своихъ дезидератахъ на то, что малороссійскій народъ, свергнувши польское иго, добровольно присоединился къ Россіи, и

принявшій его въ подданство государь „обнадежилъ и подтвердилъ не только содержать и сохранять малороссійскій народъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, обыкновенияхъ, привилегіяхъ, вольностяхъ и преимуществвахъ, на которыхъ онъ былъ подъ Королями Польскими и Великими Князьями Литовскими, но и большимъ наградить и пожаловать общалъ, и оіе договоры отъ времени до времени при постановленіи каждаго гетмана поновляемы и подтверждаемы были“; не уступаютъ имъ и другіе депутаты, выработавшіе совмѣстное прошеніе и взявшіе на себя смѣлость напомнить императрицѣ о томъ, извѣстномъ всему міру обстоятельстве, что „сіе добровольное подданство учинено на такомъ, договорами и данными привилегіями, утвержденномъ, основаніи, чтобъ всѣмъ онаго малороссійскаго народа членамъ остаться вѣчно при своихъ правахъ, привилегіяхъ, преимуществахъ, вольностяхъ, свободахъ и обыкновенияхъ тѣхъ самыхъ, на которыхъ они состояли подъ королями польскими и великими князьями литовскими безъ всякаго нарушенія и отмѣны“. Это заявленіе, сдѣланное торжественно въ многолюдной комиссіи отъ лица всѣхъ депутатовъ малороссійскихъ, произвело замѣтное впечатлѣніе, являясь самымъ сильнымъ выраженіемъ протеста украинскаго народа, въ лицѣ его представителей, противъ игнорированія ихъ національныхъ особенностей. Сохраненіе правъ и привилегій Украины и отдѣльныхъ сословій— вотъ основной фонъ всѣхъ прошеній, представленныхъ въ комиссію. Истинно демократическаго принципа, бывшаго лозунгомъ передъ революціей Хмельницкаго: „Украина безъ хлопа и безъ пана“, принципа, выдвинутаго и положеннаго въ основу современнаго намъ освободительнаго движенія, въ наказахъ екатерининскихъ мы не слышимъ. Да ничего нѣтъ въ этомъ и удивительнаго, принимая во вниманіе полнѣйшее устраненіе отъ представительства всей трудящейся массы украинскаго народа, принадлежащей къ „подлому“ сословію, и вообще то отношеніе, какое встрѣтилъ на Украинѣ манифестъ о созывѣ депутатовъ въ комиссію. Одни говорили тогда, что манифестъ ихъ, малороссіянъ, не касается; другіе, „ослѣпленные любовью къ своей землицѣ“, какъ пронизировалъ Румянцевъ надъ Украинскими патріотами, думали, что ихъ созываютъ въ комиссію только какъ опытныхъ и ученыхъ юристовъ для совѣта по сочиненію новаго Уложенія для одной Великороссіи; третьи, наконецъ, — шляхетство, — высоко ставя свое сословіе и руководствуясь сословными предразсудками, совсѣмъ отказывались отъ участія въ собраніяхъ для выборовъ и возмущались при одной мысли о томъ, что имъ придется сидѣть рядомъ съ мужиками и мѣщанами; четвертые, — горожане, сплошь и рядомъ отказывались итти на собраніе подъ самымъ

ничтожными предложениями, въ родѣ общаній отправиться на богомолье въ Ахтырку, и т. п. ловомъ, Собстановка и условія, при которыхъ созваны были народныя представители, во второй половинѣ XVIII столѣтія и началѣ XX, не многимъ разнятся. И въ томъ и въ другомъ случаѣ правительству желательно было соблюсти декорумъ, но не было ни малѣйшаго желанія услышать подлинный голосъ населенія; и въ томъ и въ другомъ случаѣ, несмотря на всяческія условія, правительство потерпѣло фіаско и принуждено было выслушать много горькихъ истинъ. Въ частности, по отношенію къ украинскому вопросу, Екатерина считала вздоромъ всякія желанія, противорѣчившія ея взглядамъ, и, конечно, не раздѣляла стремленій украинцевъ, отстаивавшихъ пунктъ Богдана Хмельницкаго и неизвѣстныя ей привилегіи „Жигмонта Августа“. Она, абсолютная монархиня обширѣйшаго государства, получила извѣстія о ходѣ выборовъ въ комиссію, вѣрила и убѣждала въ томъ Румянцева, что вздорныя мечтанія малороссіянъ объ ихъ сторонѣ и вольностяхъ падутъ сами собой, такъ какъ малорусскіе депутаты сами устыдятся выступить съ своими домогательствами, не рискуя быть осмѣянными передъ многочисленнымъ собраніемъ. И мы знаемъ, какъ жестоко она ошиблась, какъ велико было ея разочарованіе, когда украинскіе депутаты, не смотря на рѣзкую разницу въ стремленіяхъ отдѣльныхъ сословій,—въ отношеніи своихъ политическихъ идеаловъ, оказались между собой солидарными или, по крайней мѣрѣ, оказались такими въ прошеніи, поданномъ на имя Екатерины отъ лица всѣхъ малороссійскихъ депутатовъ, послѣ того, какъ выяснилась неприемлемость императрицей заявленій отдѣльныхъ украинскіхъ депутатовъ.

Переходя теперь къ нуждамъ и желаніямъ украинскаго народа, выраженнымъ въ екатерининскихъ наказахъ, видимъ, что украинскій народъ, требуетъ внутренняго самоуправленія, основаннаго на свободѣ избранія старшинъ для суда и управленія, безусловно изъ природныхъ украинцевъ, вышшихъ школъ на Украинѣ (университета), свободы отъ военныхъ постоевъ, налоговъ, поборовъ и прочихъ тягостей, свободы въ своихъ „добрахъ“, въ винномъ промыслѣ (продажѣ вина, пива, меда и др. напитковъ въ своихъ домахъ, по родамъ и селамъ), закрѣпленія формальными актами принадлежащихъ каждому земель. Даже такой острый вопросъ, какъ вольный переходъ крестьянъ на новыя мѣста, или, короче говоря,—раскрѣпощеніе крестьянина, въ наказахъ своихъ украинское шляхетство, затронуло и разрѣшило въ пользу крестьянъ, несмотря на противодѣйствіе этой точкѣ зрѣнія такихъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, какъ Румянцевъ и Тепловъ. Мало того: Полетика напомнилъ собранію де-

путатовъ, что, по малороссійскимъ правамъ, „люди шляхетскаго стану“ пользуются неприкосновенностью своей личности и жилища, въ силу чего ни одинъ шляхтичъ, имѣющій помѣстье, не можетъ быть арестованъ и лишенъ свободы иначе, какъ по суду,—что уже совсѣмъ не вязалось съ господствовавшими въ Великороссіи воззрѣніями на этотъ предметъ.

Аграрный вопросъ, не столь острый во второй половинѣ XVIII столѣтія, какъ въ началѣ XX ст., поднять былъ безусловно всѣми наказами и занималъ интересы не только одного шляхетства, но и другихъ сословій, такъ какъ съ разрѣшеніемъ его долженъ былъ быть положенъ предѣлъ всѣмъ аграрнымъ затрудненіямъ и спорамъ, возникшимъ и развившимся на почвѣ чрезвычайно запутанной и темной исторіи малороссійскаго землевладѣнія; съ разрѣшеніемъ этого вопроса, т. е. съ пожалованіемъ подтвердительныхъ грамотъ, каждый владѣлецъ,—казацкаго ли или шляхетскаго сословія,—надѣялся получить, наконецъ, прочное обоснованіе права владѣнія извѣстной собственностью, нерѣдко весьма сомнительнаго происхожденія. Въ этихъ цѣляхъ шляхетство просило велѣть особымъ межевщикамъ и землебрамъ „размѣрять и обмеживать его земли и утвердить каждому помѣщику его помѣстье вѣчно и наслѣдственно въ родъ обоего пола“, а казаки,—чтобы „всѣ ихъ зобра, якъ то: грунта, мельницы, отчины и всякія угодыя, наслѣдныя, наданныя, купленныя и занятыя, по крѣпостямъ и по природному праву владѣнія, въ безпретятственномъ владѣніи намъ всегда тверды были“.

Въ pendant къ шляхетскому и казацкому сословію и духовенство украинское, которое лишено было права послать своего депутата, представило черезъ архіереевъ „пункты“, въ которыхъ выражало, недовольство и на умаленіе его шляхетскихъ правъ, и на стѣсненіе его автономіи въ дѣлахъ внутренняго управленія, и на паденіе въ его средѣ образованія, обусловленное невниманіемъ правительства къ просвѣщенію, и на стѣсненія духовныхъ судовъ благодаря вмѣшательству въ нихъ свѣтскихъ начальниковъ, и на свое экономическое положеніе, разстроенное разными запретительными указами и обременительными налогами, и вообще на злоупотребленія свѣтскихъ старшинъ и великорусскихъ начальниковъ, неуважительно третировавшихъ духовное сословіе и причинявшихъ ему „велпкія огорченія“ и многое другое.

Что же касается городскихъ наказовъ и тѣхъ мѣръ, какія рекомендовало мѣщанство для исправленія нуждъ и недостатковъ городовъ и мѣщанства, то они не выходятъ изъ круга узкихъ сословныхъ интересовъ; ихъ не интересовалъ ни политическій кризисъ, какой

переживала въ то время Украина ни общія задачи родины, ни ея просвѣщеніе,—и въ этомъ отношеніи мѣщанскіе наказы стоятъ значительно ниже шляхетскихъ и наказовъ духовенства, хотя и относительно казачьихъ наказовъ нужно сознаться, что главное вниманіе они обратили на заботы экономическаго свойства, вопросы же политическіе и соціальные занимаютъ второстепенное мѣсто и слабо развиты ими. Впрочемъ, изъ одиннадцати казачьихъ наказовъ извѣстны въ печати до сихъ поръ всего лишь четыре...

Итакъ, депутаты - украинцы въ Комиссіи 1767 года заявили себя не представителями отдѣльныхъ сословій, но представителями особаго края, особой части російской имперіи, несмотря на то, что не было уже ни гетманства, ни выборного старшины, не существовало уже автономіи, страна наводнена была великорусскими войсками и чиновниками, и Румянцевъ распорядился на Украинѣ, какъ губернаторъ въ любомъ великорусскомъ городѣ. Въ наказахъ всѣхъ сословій—шляхетства, духовенства, горожанъ и казаковъ—мы находимъ несомнѣнныя политическія тенденціи, чтобы Украинѣ сохранены были попрежнему договорныя статьи 1654 года—т. е. восстановлена была автономія, и чтобы законы, относящіяся къ ней, были выдѣлены въ особую главу въ проектируемомъ уложеніи. Такія „несбыточныя мечтанія“ украинцевъ, поддержанныя лифляндскими и эстляндскими депутатами, также добивавшимися сохраненія своихъ льготъ и привилегій, привели къ тому, что Екатерина рѣшила прекратить на будущее время всякіе разговоры по этому предмету и 9 сентября 1768 г. черезъ маршала Бибикова объявила, что комиссія, за силою 15 ст. обряда, „не должна ни въ чемъ нномъ упражняться, кромѣ того, для чего учреждена“ и что малороссійскіе, лифляндскіе и эстляндскіе депутаты незаконно заявили въ Комиссію желанія объ изыятіи ихъ изъ общероссійскихъ законовъ, такъ какъ это единственно должно зависѣть отъ власти самой монархини, но не комиссіи.

Такъ отвѣтило русское правительство на коренныя нужды украинскаго населенія, такъ разрѣшила самый важный для Украины вопросъ—вопросъ о децентрализаціи и автономіи, такъ подтвердила пункты Богдана Хмельницкаго и привилегіи королей польскихъ, и какіе были результаты этой близорукой политики—отвѣтомъ можетъ служить настоящее нашего края, подлежащее новому и на этотъ разъ неотложному разрѣшенію. Стремленія украинскаго народа къ свободной жизни на исконныхъ, національныхъ началахъ, не изгладились въ теченіе почти полутора столѣтія и, потерявъ въ количествѣ, выиграли въ качествѣ, ставши въ сознаніи лучшихъ сыновъ Украины

глубже, сознательнѣе. Если Екатерина была права, отказывая въ законныхъ правахъ на саморазвитіе цѣлаго многомилліоннаго народа, въ виду „вздорности“, несбыточности подобныхъ мечтаній, то чѣмъ же объяснить то явленіе, что, спустя новыхъ сто сорокъ лѣтъ, тотъ же народъ, устами своихъ избранныхъ снова заявляетъ о неотложности автономіи для Украины, о національной школѣ, судѣ, печати? Что, или кто причиной этого явленія? Основныхъ, очевидныхъ причинъ этого явленія двѣ: наличность національнаго самосознанія въ народѣ, и бессмысленная политика русскаго правительства, которая, по мнѣнію Костомарова, присоединеніе Украины къ московскому государству понимала (до Екатерины и позже) не иначе, какъ въ смыслѣ обращенія вольныхъ казаковъ въ такихъ же вѣрноподданныхъ, какъ и великороссы, и желала при томъ, чтобы народъ южнорусскій сроднился съ народомъ сѣверно-русскимъ и слился съ государствомъ такъ, чтобы не представлялось разницы ни въ администраціи, ни въ задачахъ общественной жизни, чтобы всякія этнографическія отличія изгладились. Такой системой достигнуты были совершенно обратные результаты, и политика Екатерины принесла неисчислимый вредъ украинскому народу, отказавъ ему въ законныхъ его правахъ на свободное развитіе, а взамѣнъ того впрягнувъ его въ колесницу государственнаго Молоха, везомую на своихъ плечахъ всѣми народами Россіи и до сей день. Народнымъ представителямъ всѣхъ націй предстоитъ не легкая задача дать свободу всѣмъ подъяремнымъ націямъ, а среди нихъ и украинской, предоставивъ ей „права и привилегіи“—не временъ Жигмонта и Богдана Хмельницкаго, понятно,—но тѣ, безъ которыхъ ни одинъ свободный, культурный народъ въ подлунной не можетъ въ настоящее время вносить свою лепту во всемірную сокровищницу общечеловѣческаго блага...

В. Доманицкій.

Аграрные процессы на Украйнѣ.

Безъ чувства глубочайшаго волненія невозможно подходить къ тѣмъ тяжелымъ драмамъ, послѣдніе акты которыхъ намъ приходилось переживать въ залѣ судебныхъ засѣданій на такъ называемыхъ аграрныхъ процессахъ. Бурный разгромъ Михайловскаго хутора Терещенка въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ одну ночь уничтожившій миллионное дѣло, нападеніе на домъ управляющаго имѣніемъ кн. Абамелика-Лазарева въ Балтскомъ уѣздѣ подъ вліяніемъ раздраженія за убійство на ночной „облаві“ служащими экономіи—крестьянина, вповноваго въ поправѣ, мирныя сельско-хозяйственныя забастовки въ экономіяхъ Кіевской губерніи,—все это по волѣ обвинительной камеры подведенное подъ 269¹ ст. уложенія о наказаніяхъ вскрывало безбрежное море вопіющей народной нужды, безысходнаго горя, кошмарной культурной безпомощности. При этомъ обыкновенно, чѣмъ болѣе тягостна картина экономическаго разоренія, тѣмъ болѣе обезпечены жертвы Молоху „правосудія“: 269¹ статья требуетъ наличности „побужденій“, проистекающихъ „изъ вражды сословной“, или „изъ экономическихъ отношеній“. Оттого и обвинительные акты по аграрнымъ дѣламъ, и обвинительныя рѣчи прокуроровъ въ аграрныхъ процессахъ часто не падаютъ яркихъ красокъ для изображенія той обстановки, среди которой произошло „аграрное движеніе“. Писатель Е. Н. Чириковъ, выступившій на глуховскомъ процессѣ защитникомъ крестьянъ, выслушавъ первую часть обвинительной рѣчи прокурора, обратился къ товарищамъ по защитѣ съ радостнымъ волненіемъ: „это защитительная рѣчь!“ Вторая половина прокурорской рѣчи, конечно, разочаровала неопытнаго защитника. И въ своей первой защитительной рѣчи писатель рассказалъ о недоумѣніи передъ тѣмъ страннымъ положеніемъ, въ которомъ безысходная нужда является лучшимъ доказательствомъ виновности. Аграрныя движенія — явленіе чрезвычайно сложное, формы ихъ внѣшняго проявленія чрезвычайно разнообразны.

Подлинную психологию этихъ движеній голодныхъ, темныхъ массъ начинаешь постигать на аграрныхъ процессахъ. И тогда ясно становится, какъ жалки успія доискаться ихъ „корней“—въ пучкахъ прокламацій, розданныхъ неизвѣстнымъ агитаторомъ, въ студенческихъ пуговицахъ, блеснувшихъ изъ подъ крестьянской одежды случайнаго прохожаго и т. п., какъ жалки средства „успокоенія“, пѣмыляемыя бюрократіей въ согласіи съ аграріями. „Успокоеніе“ возможно только черезъ удовлетвореніе нуждъ и поднятіе культурнаго уровня изголовавшейся и обездоленной крестьянской массы. Прозорливые, истину „лучшіе“ люди издавна принимали опасность невниманія къ голосу народной нужды. Еще декабристъ И. Д. Якушкинъ сказалъ на допросѣ генералу Левашову: „крестьянскій вопросъ—это такой узелъ, который долженъ быть развязанъ правительствомъ, или, въ противномъ случаѣ, насильственно развязанный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія“. Уничтожить въ одинъ день наступившія нынѣ „пагубныя послѣдствія“ немислимо никакими средствами при самомъ рѣшительномъ поворотѣ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу государственной власти, переданной даже всему народу. Болѣзнъ входитъ пудами, а возвращается здоровье — золотниками. Результаты хищническаго бюрократическаго всевластія долго еще будутъ давать себя знать...

Когда въ Государственной Думѣ мы слышали рѣчи о томъ, что „умныя, ученые рѣчи“—ни къ чему, что представители избраны для того, чтобы „дѣлать дѣло“, а не учиться и что, если „разговоры“ затянутся, то „народъ самъ рѣшитъ аграрный вопросъ“, насъ болѣе всего удивляло то наивное представленіе о легкости разрѣшенія аграрнаго вопроса, которое сквозило въ этихъ рѣчахъ. „Надо дѣлать дѣло“, а не говорить „умныя ученые рѣчи“... Повидимому, согласно этому воззрѣнію—ни ума, ни науки для „дѣланія дѣла“ не требуется. Вѣдь и г. Энгельгардтъ уже находить „зерно правды“ въ томъ, что для революціи не нужны ученые, не нужны „дѣти солнца“... („Народный Вѣстникъ“, № 16). „Народъ самъ разрѣшитъ аграрный вопросъ“... Мы отказываемся понять, какой смыслъ вкладывается въ эти слова, ибо во всякомъ случаѣ изъ того, что народныя массы еще разъ придутъ въ стихійное движеніе, не послѣдуетъ никакого „разрѣшенія“ аграрнаго вопроса. Соціальныя реформы требуютъ не только хаоса разрушенія, но и планоуѣрной организациі новаго. И впечатлѣнія аграрныхъ процессовъ убѣждаютъ насъ, что ничего творческаго, сознательнаго и созидающаго не заключалось въ судорожныхъ взрывахъ, приводившихъ въ движеніе голодныхъ, темныхъ массы, когда вставалъ предѣлъ человѣческому терпѣнію.

Въ нашихъ бѣглыхъ замѣткахъ мы попытаемся освѣтить тѣ лозунги, тѣ скрытыя пружины движеній, какія намъ удавалось уловить въ хаосѣ судебного слѣдствія по аграрнымъ дѣламъ, раскрыть по мѣрѣ силъ ихъ психологію, степень сознательности и мировоззрѣніе отдѣльныхъ лицъ и массы. При этомъ мы не можемъ совершенно опустить любопытныя психологическія и бытовыя и т. п. подробности нашихъ наблюденій, часто не имѣющія прямого отношенія къ темѣ. Полагаемъ, что если замѣтки оттого проиграютъ въ систематичности изложенія, то зато выиграютъ въ интересѣ и живости...

Въ Глуховскомъ процессѣ на скамьѣ подсудимыхъ сидѣло 165 крестьянъ разныхъ селъ и деревень Черниговской, Курской и Орловской губерній, въ возрастѣ, отъ крайней юности до глубокой старости, за 70 лѣтъ. Въ числѣ ихъ была и одна дѣвушка, обвинявшаяся въ томъ, что изъ „побужденій“, проистекающихъ изъ вражды сословной или изъ „экономическихъ отношеній“, унесла изъ разгромленной квартиры кого-то изъ заводскихъ служащихъ блюдечко и горчицицу...

Погромъ Михайловскаго хутора былъ послѣдней волной движенія, докатившейся въ Глуховскій уѣздъ изъ смежныхъ уѣздовъ Орловской и Курской губерній... Начало его, причины и поводы, подготовившіе взрывъ, освѣщались показаніями своего рода экспертовъ—свидѣтелей—священника Рождественскаго, земскаго начальника Кусакова, становыхъ приставовъ и ихъ помощниковъ—свидѣтелей изъ Орловской и Курской губерній. Ихъ показанія легли и въ основу обвинительнаго акта. Священникъ Рождественскій въ своихъ, въ общемъ благожелательныхъ, показаніяхъ далъ тяжелую обрисовку экономического разоренія крестьянства и указалъ, что никакими средствами изъ крестьянской головы не изгнать мечты о томъ, что вся земля „отойдетъ“ къ крестьянамъ, объ этомъ они постоянно думаютъ, говорятъ, мечтаютъ. „Читалъ я въ церкви Манифестъ 6-го августа, а въ тотъ же день прибѣжали ко мнѣ крестьяне спрашивать, правду ли бабы говорятъ, что читался Манифестъ о землѣ“. „Мечта о землѣ положительно неистребима“. Въ с. Сальномъ недѣли за три до начала движенія появилась „прокламація“ (въ Глуховскомъ процессѣ ни подлинника, ни копій съ нея не было, о ней рассказывали свидѣтели эксперты). Прокламація приглашала весь народъ сразу „подняться“ и „подавить“ чиновниковъ и помѣщиковъ. Нѣкоторые свидѣтели рассказали, что были разговоры о томъ, что „павивъ треба палити й бити, тоді вони сами подадуться, а на весну—будемо орати, де схоchemo“. Вотъ—этотъ лозунгъ—„бити й палити“, чтобы помѣщики сами бросили свое хозяйство, что дастъ возможность крестьянамъ заниматься земледѣліемъ на ихъ земляхъ,—это единственное

указаніе на цѣлесообразность, на осознанный мотивъ движенія. Никакого намека на то, что будетъ, если „орати“ въ одноѣмъ и томъ-же мѣстѣ на брошенной панской землѣ „схочуть“ двое или трое, а то и больше. Вопросъ о распредѣленіи не ставился, ставился только своеобразный способъ экспроприаціи—„бити й палити, тоді паны сами подадутся!.. Для доказательства того, что побужденія проистекали изъ „вражды сословной“ или изъ „экономическихъ отношеній“, занесенъ былъ въ обвинительный актъ рассказъ свидѣтельницы-фельдшерицы. Во время погрома свидѣтельница встрѣтила какую-то женщину, тащившую мягкое кресло. „На что оно тебѣ?“ спросила свидѣтельница. „Як нащо? хйба однимъ панамъ на мягкомъ сидіти, посидимо й ми, годі панамъ панувати...“ Итакъ, разговоры о землѣ, „неистребимая“ мечта о ней, лозунгъ „бити й палити“ для того, чтобы паны „подались“ и единичный мятежный возгласъ „годі панамъ панувати“—вотъ все, или почти все, что можно было извлечь въ дѣлѣ, гдѣ разрушительная сила движенія достигла такого высокаго напряженія. На ряду съ этимъ обвинительный актъ регистрировалъ фактъ, что крестьяне были увѣрены въ томъ, что приказъ о погромѣ исходилъ отъ начальства, даже отъ Царя... Какъ связывались мятежные лозунги съ этимъ наивнымъ убѣжденіемъ о начальственномъ приказѣ? Обвинительный актъ, регистрируя и то, и другое, такимъ образомъ не задавался. А между тѣмъ вся психологія активныхъ погромщиковъ—представляла изъ себя спутанный клубокъ этихъ перекрещивающихся вліяній: тутъ и надежда на то, что „пани подадутся“ и земля достанется крестьянамъ, тутъ и разбушевавшаяся стихія разрушенія, тутъ и увѣренность въ томъ, что есть „приказъ“ отъ начальства. Во многихъ мѣстахъ старосты и другія сельскія власти, дѣйствительно, приказывали ѣхать на погромъ, говорили, что у нихъ есть „предписаніе“ отъ высшаго начальства, грозили непослушнымъ строгимъ наказаніемъ. Что двигало этими старостами, вѣрили-ли они сами въ существованіе „приказа“ отъ высшаго начальства? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно только потому, что въ рукахъ у нихъ не было никакихъ предписаній, невозможно. Слухи изъ другихъ мѣстъ получались самыя преувеличенные, почти фантастическіе, легковѣріе на почвѣ темноты принимало невѣроятные размѣры. Обвинительная власть много вниманія сосредоточила на инцидентѣ съ разговоромъ объ убійствѣ великаго князя Сергія Александровича и какомъ-то революціонномъ комитетѣ. Здѣсь думали найти нити революціонной пропаганды. И что-же оказалось?

Утромъ въ день разгрома Михайловскаго завода, когда уже началось бѣгство заводской администраціи изъ Михайловскаго хутора

подъ вліяніемъ слуховъ о приближеніи бандъ погромщиковъ, на заводъ явился новозыбковскій крестьянинъ Зайцевъ. Прийдя въ казармы рабочихъ Зайцевъ встрѣтилъ земляковъ и уже съ утра съ ними выпилъ. Вечеромъ волна событій захватила его и, повидимому, онъ принялъ участіе въ активныхъ дѣйствіяхъ (Зайцевъ былъ обвиненъ палатой и по 169 ст. и еще въ поджогѣ, приговоренъ на 4 года въ каторжныя работы). Когда еще пылало зарево пожара въ Михайловскомъ хуторѣ, Зайцевъ очутился уже въ одномъ изъ окрестныхъ селъ въ компаніи какого-то „студента“: вмѣстѣ они пришли къ лавочнику и до смерти его перепугали. Оба называли себя „студентами“, были пьяны, другъ къ другу обращались „Паша“ и „Саша“. Оказавшійся потомъ Зайцевымъ рассказывалъ хозяину лавочнику и случайному свидѣтелю, которыхъ заставлялъ пить водку, что это они—студенты дѣйствуютъ и спрашивалъ: хорошо? Свидѣтель Быковъ рассказывалъ, что онъ въ испугѣ поддакивалъ и одобрялъ всѣ дѣйствія, „студентовъ“. Зайцевъ тогда разоткровенничался. Онъ назвалъ себя—сыномъ великаго князя Сергѣя Александровича и признался, что убилъ „напашу“. „Какъ-же это васъ на такой грѣхъ Богъ допустилъ?“—задалъ вопросъ собесѣдникъ.

„Убилъ я по праву революціоннаго комитета и мамаша меня въ тюрьмѣ навѣщала, образкомъ благословила“ Зайцевъ вошелъ во вкусъ играть роль и вралъ все, что приходило въ голову. На судебномъ слѣдствіи мы спросили свидѣтеля Быкова, вѣрили ли онъ рассказамъ Зайцева? „А такъ что—отвѣчалъ Быковъ—на лицо посмотрѣть будто-бы и незнатнаго происхожденія, а говорить гоисто“... Отвѣтъ давалъ понять, что свидѣтель всему вѣрилъ... Быковъ какъ то все-таки улепетнулъ отъ Зайцева и отправился въ Михайловскій хуторъ, куда пришелъ тогда, когда заводъ уже догоралъ. Его встрѣтили незнакомые и предложили купить за 50 к. какую то техническую книгу. „Больно интересно было купить, да Богъ спась, отказался“. Незнакомцы тогда спросили его: „а ты букву с.-д. знаешь?“ И „буквы“ Быковъ не зналъ. Тогда незнакомцы себя обнаружили, они оказались переодѣтыми жандармами, объявили, что Быковъ имъ подозрителенъ и арестовали его. Когда Быкова привели въ качествѣ арестанта на вокзалъ и втолкнули въ какую-то комнату, онъ узналъ тамъ среди другихъ арестованныхъ Зайцева: „Вотъ вы кого арестуйте—сказалъ Быковъ жандармамъ—этотъ великаго князя убилъ, а я не причемъ“. Рассказъ о поведеніи Зайцева въ сосѣднемъ селѣ далъ свободу Быкову... Хлестаковская, безсвязная ложь отличала поведеніе не одного Зайцева. Свидѣтели рассказывали, что кто то называлъ себя сыномъ

адмирала Макарова и говорилъ „моего папашу убили на войнѣ, а я за народъ умереть долженъ“... Характерно, что показанія Быкова на судебномъ слѣдствіи обезпокоили Зайцева. Въ перерывѣ онъ обратился къ намъ съ испуганнымъ видомъ: „ну, а что мнѣ ничего за то не будетъ, будто—я великаго князя убилъ?“... „Студентъ“, сопровождавшій Зайцева, не былъ задержанъ, но Зайцевъ клялся, что это былъ его землякъ—крестьянинъ. „Студентовъ“ вообще искали безуспѣшно. Одинъ изъ обвиняемыхъ—крестьянинъ лѣтъ 60—разсказалъ, что когда его задержали съ подводой, на которой лежала бочка сахара, то „хотѣли мене бити, сказали, що я студент, а я тих студентів николи і въ очі не бачив“... Были еще въ Глуховскомъ процессѣ показанія о томъ, что кто-то „искусно“ проѣхалъ на велосипедѣ, сыгралъ что-то на рояли, были указанія на употребленіе самовозгорающихся веществъ при поджогахъ, но все это, повидимому, надо отнести къ разстроенному воображенію свидѣтелей, пораженныхъ неожиданностью, стихійностью и нелѣпностью событій. При разгромѣ дома управляющаго имѣніемъ кн. Абамелика-Лазарева въ Балтскомъ уѣздѣ тоже раздавались отдѣльные мятежные возгласы о „кровошійствѣ“, но они относились главнымъ образомъ къ конкретному факту убійства на „облаві“ крестьянина, виновнаго въ потравѣ. Старикъ, обвиняемый на судѣ, на вопросъ предсѣдателя о годахъ отвѣчавшій— „хоть 102, хоть 104, Ваше превосходительство“, шелъ вперед и кричалъ „убить его фармазона“. Потомъ онъ по показаніямъ свидѣтелей „штурхалъ“ въ каминъ палкой и кричалъ „тут его, собаку шукайте“.

И этотъ столѣтній старикъ на судѣ на каждомъ шагу демонстрировалъ свою „сословную вражду“: „всѣхъ онъ насъ фармазонъ-собака въ бараній рогъ скрутилъ—кричалъ онъ съ своего мѣста, когда свидѣтели давали показанія объ отношеніяхъ экономіи къ крестьянамъ. Тщетно предсѣдатель разъяснялъ старику, что ему невыгодно обнаруживать „чувства“. „Онъ—фармазонъ и свидѣтелей всѣхъ купилъ“ упрямо отвѣчалъ старикъ, объясняя этимъ лживыя показанія свидѣтелей—служащихъ въ экономіи. А показанія эти были до того сбивчивы и лживы, что предсѣдатель спросилъ одного изъ свидѣтелей: „ну, скажите, ради Бога, что васъ толкаетъ вратъ?“ Никакихъ прямыхъ указаній на какую-либо агитацію и въ Винницкомъ процессѣ не было (дѣло о разгромѣ въ имѣніи кн. Абамелика-Лазарева разбѣжалось въ Винницѣ). Въ процессахъ о сельскохозяйственныхъ стачкахъ въ Киевской губ. указанія на агитацію и прокламаціи дѣлались въ самой „общей формѣ“: „съ тѣхъ поръ, какъ пошли эти повсюду прокламаціи“. Ни одного раза не приходилось

намъ гдѣ-либо на аграрномъ процессѣ сколько нибудь конкретно и опредѣленно установить роль и вліяніе агитаціи, идущей со стороны. Аграрныя движенія во всѣхъ ихъ проявленіяхъ имѣютъ гораздо болѣе глубокіе корни, нежели случайныя и постороннія вліянія. Правда, земскій начальникъ Кусаковъ на Глуховскомъ процессѣ рассказывалъ, что „развратъ“ вносится въ деревню тѣми, кто побывалъ на отхожихъ промыслахъ, участвовалъ въ городскихъ демонстраціяхъ. „Мои крестьяне“,—говорилъ г. Кусаковъ,—и въ Ялтинскомъ погромѣ участвовали. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ моментомъ болѣе серьезнымъ, нежели прокламація „подавить помѣщиковъ и чиновниковъ“. „Въ деревнѣ—продолжалъ Кусаковъ—самовары появились, своеволие: не кланяются при встрѣчѣ“...

Въ деревнѣ появились новыя настроенія, деревня опустила до послѣднихъ степеней разоренія и нищеты, а „попечительное“ начальство продолжаетъ говорить о „моихъ крестьянахъ“... Культурная безпомощность и темнота кладутъ свой отпечатокъ на судорожныя движенія деревни, несущія ей, обыкновенно, новое безысходное горе. И, если деревнѣ не придетъ на помощь государство, мы будемъ свидѣтелями новыхъ и новыхъ „пагубныхъ послѣдствій“... Наканувъ разгрома Михайловскаго хутора—верстахъ въ 20-23 разграбленъ былъ водочный заводъ въ с. Хинели (Орловской губ.). Перепились при этомъ погромщики до того, что по показанію одного свидѣтеля—„не то бабы и дѣти, а и свиньи были пьяныя“. И уже при разгромѣ Хинельскаго завода шли разговоры о томъ, что на завтра очередь Михайловскаго хутора. Слухи объ этомъ дошли до Михайловскаго хутора, и заводская администрація въ паникѣ бѣжала. Это и рѣшило судьбу хутора. Когда тысячи подводъ съ разныхъ сторонъ съѣзжались въ Михайловскій хуторъ—отстоятъ отдѣльные склады не стоило никакого труда, если кто-нибудь бралъ на себя эту миссію. Достаточно было сказать—„проѣзжай дальше!“ и грабители уѣзжали. Обвиняемые почти всѣ признали себя виновными, по крайней мѣрѣ на вопросъ предсѣдателя—„признаете-ли себя виновнымъ въ томъ и т. д.“—большинство отвѣчало: „виновенъ въ сахарѣ“... Заводъ пылалъ, склады были разграблены, на огонь съѣзжались изъ окрестныхъ селъ и уѣзжали домой, нагрузивъ подводы сахаромъ, овсомъ, мукой... Жители селъ, расположенныхъ на пути, по которому погромщики проѣхали въ Михайловскій, единодушно рассказывали, повидимому, вполне искренне: „іхалп черезъ село якісь разні рускіі народи, кричать: „эй хохлята безмозглые, поїжайте на Михайловскій, а то будемо назадъ іхати и васъ всіхъ попалимо. Кричали, [страшали, ми й поїхали“. Многіе чистосердечно признавались,

что їхали на „великий огонь“, а приїхали и увидѣли, что никто не препятствуетъ брать, чего надо, „то й набрали“. Одинъ старикъ разказаль, что „їхати не хотів, такъ жинка каже: поїдь, та поїдь—вже деякі двічі сахар привезли. Мусів їхати“. Нѣкоторые сомнѣвались въ правомѣрности набирания сахара, но колебания разрѣшались тѣмъ, что „все одно другі візьмуть“. „Візьму, думаю, а коли прикажуть, одвезу назад“. Одинъ взялъ бочку сахару, а „потімъ и овса трохи взяв, щоб коней нагодувати, тоді, коли начальство звелить назад сахар везти“. На другой-же день всѣ, какъ увѣрялъ одинъ обвиняемый поняли „грїх“ и „діти батьків питали, чого сей сахар не солодкий“. Одинъ старикъ картинно разказаль, какъ онъ собралъ „у припол“ кусочки сахара, валявагося на снѣгу... И угодилъ за это на 1¹/₂ года въ арестантскія роты, на 73 году жизни.

Началась отвратительная административная расправа, произведенная черниговскимъ губернаторомъ Хвостовымъ и непремѣннымъ членомъ губернскаго присутствія М. Н. Шрамченко. О ней подробно разказали свидѣтели. Одинъ изъ нихъ, сельскій староста, окончивъ показаніе, обратился къ предсѣдателю съ вопросомъ, „а мене защо сіканули Ваше Превосходительство?“

„Кто-же Васъ сѣкъ?“

— Та, начальство, та за що, питаю мене сіканули?

— Вамъ, вѣрно, объясняли за что...

— Ні, нічого не объясняли: мабуть були випивши... догадався староста.

— Кто выпивши?

— Та губернатор, та інши чиновники.

Предсѣдатель прекратилъ неосторожные разспросы, объяснивъ старостѣ, что онъ можетъ „жаловаться“, если считаетъ, что съ нимъ поступили несправедливо и неправильно...

Цѣлые сходы по часамъ выстаивали на колѣняхъ въ таящемъ снѣгу... Крестьянинъ—ходатай за односельчанъ описаль расправу въ прошеніи поданномъ губернатору въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ описывается страшный судъ.

„Когда прибыло начальство, скотъ ревѣлъ, діти плакали и одна женщина повѣсилась и хотя во время снята изъ петли, но едва дышетъ... а тѣ, кого наказали тѣлесно, были полумертвы не отъ боли, а отъ покаяннаго страха“... Одинъ крестьянинъ сказаль, когда его собирались сѣчь, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія Высочайшимъ Манифестомъ. „Та вінъ закричавъ—що й ому одъ царя приказъ зробитъ, що схоче. Захочу, каже, повішаю усіхъ“... кто-быль этотъ

чиновникъ съ такимъ „приказомъ отъ царя“—установить на судебномъ слѣдствіи не удалось. Въ числѣ свидѣтелей по Глуховскому дѣлу—было нѣсколько высѣченныхъ при административной расправѣ. Это была вакхавалія издѣвательства и административнаго произвола, которыми крестьянамъ внушалось уваженіе къ закону и священной собственности...

Надо полагать, урокъ не прошелъ даромъ...

Мих. Могилянскій.

Австріійскій кризисъ.

I.

Австрія переживаетъ въ настоящее время чрезвычайно сложный кризисъ,—неизбѣжное послѣдствіе той системы фальши, двуличности и лицемерія, которая составляетъ характерный признакъ всей австріійской политики, по крайней мѣрѣ съ 1848 года. Кто хоть сколько нибудь знакомъ съ этой системой, извращающей всѣ принципы и лозунги общественной жизни, деморализирующей единицы и партіи и почерпающей свою силу въ апатіи народныхъ массъ и бездарности верховныхъ органовъ, тотъ можетъ удивляться развѣ одному: какимъ образомъ случилось, что это государство просуществовало болѣе полустолѣтія относительно мирно и спокойно, почему оно давно уже не сдѣлалось ареной внутреннихъ кризисовъ. Это можно объяснить только общей политической отсталостью страны, мелочностью и узкимъ кругозоромъ политическихъ партій, слабымъ участіемъ народныхъ массъ въ политической жизни и глубокимъ разобщеніемъ между отдѣльными провинціями, изъ которыхъ каждая живетъ своею жизнью, мало интересуясь жизнью сосѣднихъ областей и еще менѣе слѣдя за ней. Довольно сказать, что Австрія до сихъ поръ не имѣетъ ни одного органа печати, который бы систематически, съ независимой отъ ежедневныхъ видовъ правительства точки зрѣнія регистрировалъ бы и компенсировалъ жизнь провинцій, знакомилъ бы съ нею широкіе круги читателей и старался бы изучать ее съ какой нибудь общей, государственной точки зрѣнія. Вѣдь это значить, что въ кругахъ, для которыхъ Австрія представляетъ нѣчто большее, чѣмъ арену для личной карьеры, или матеріалъ для эксплуатаціи и биржевыхъ спекуляцій, что въ этихъ кругахъ не чувствуется надобности въ такой духовной и идейной координаціи жизни провинцій, или можетъ быть у нихъ нѣтъ вѣры въ возможность такой координаціи.

И это неудивительно. Политика Австріи, внутренняя и внѣшняя, до сихъ поръ главнымъ образомъ не національная, не государствен-

ная, а *династическая*. Есть ли какая нибудь доля правды въ томъ пресловутомъ афоризмѣ Шафарика 1848 г., что еслибъ Австріи не было, славяне должны бы ее создать въ своихъ собственныхъ интересахъ,—я не берусь рѣшать; исторія съ 1848 года даже и до сихъ поръ какъ то не доказываетъ вѣрности этого афоризма. Но что самое главное, правящіе круги Австріи ничѣмъ и никогда не доказали, что они понимаютъ это высшее, историческое обоснованіе существованія Австріи; наоборотъ, вездѣ въ ихъ дѣятельности мы видимъ одно: Австрія, это—вотчина династіи, существуетъ для нея, и вся ея политика должна регулироваться видами и надобностями династіи. А такъ какъ эта династія до сихъ поръ еще живетъ этикетомъ и традиціей временъ Карла V и Фердинандовъ, до сихъ поръ вращается въ атмосферѣ феодализма и иезуитизма, то и не удивительно, что вся политическая премудрость ея агентовъ и прислужниковъ (а такими до сихъ поръ должны были быть все отвѣтственные и безотвѣтственные заправилы судебъ Австріи) сводится къ одному—поддерживать авторитетъ династіи, вопреки всеѣмъ стремленіямъ составныхъ частей монархіи, вопреки прогрессивному духу новаго времени. Кровавые опыты 1848—49, 1859 и 1866 годовъ показали, что грубой силой нельзя поддержать этой политики и династія должна идти на компромиссы съ могущественными теченіями, созданными общественнымъ развитіемъ XIX столѣтія, съ такими до глубины души ненавидимыми ей теченіями, какъ демократизація общества и общественныхъ учрежденій, какъ развитіе націонализма и стремленіе къ автономіи провинцій и децентрализація бюрократической машины, какъ неудержимое стремленіе народныхъ массъ къ просвѣщенію, ведущее къ эмансипація челоуѣческой личности отъ авторитета церкви и государства. Вплоть до 1860 года Австрія сопротивлялась вторженію этихъ силъ въ предѣлы ограниченные черно-желтыми столбами съ твердостью, достойной развѣ одной Турціи; даже Россія въ эпоху „великихъ вѣяній“ 1856—1860 г. сильно опередила ее на полѣ умственного оживленія, свободной критики и общественной самодѣятельности. Когда же наконецъ поддерживаніе китайской стѣны сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ, австрийское правительство сдѣлало все отъ него зависящее для того, чтобъ каждое постепенно вводимое новое учрежденіе извратить, опошлить, обкарнать такъ, чтобъ оно какъ можно меньше имѣло настоящаго смысла, какъ можно больше было фикціей и отводомъ глазъ. Создана была фикція равноправности народной, не гарантированная ничѣмъ, кромѣ теоретическихъ рѣшеній высшаго трибунала, не имѣющихъ никакой санкціи; фикція эта отмѣнялась, по мѣрѣ надобности, простымъ министерскимъ распоряже-

ніємъ. Создана была фікція парламентскаго представительства, основаннаго на привиллегіяхъ отдѣльныхъ классовъ (феодалнаго дворянства) въ ущербъ всѣмъ прочимъ классамъ населенія, и на привиллегіяхъ одной національности (нѣмецкой) въ ущербъ славянскихъ. Создана была фікція „новой школы“ съ устраненіемъ женщинъ отъ средняго и высшаго просвѣщенія (въ Австріи до сихъ поръ нѣтъ ни одной правительственной женской гимназіи), съ наукой, регламентированной изъ центра во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и не менѣе строго регламентированной системою внушеній и шпіонствъ въ университетахъ, съ полною свободою только для антинаучныхъ и антиобщественныхъ тенденцій. Создана была фікція „свободной прессы“, съ налогомъ на каждый номеръ газеты и на каждую книжку календаря, съ высокимъ цензуромъ для редакторовъ, съ „объективнымъ судопроизводствомъ“, которое, не трогая автора, истребляло его сочиненіе, и съ запретомъ розничной продажи и пересылки книгъ и газетъ, благополучно дѣйствующимъ и по настоящей день. Создана была фікція независимаго судопроизводства съ цѣлою системою секретныхъ распоряженій и квалификаціонныхъ книгъ, которыя позволяютъ правительству домашними средствами покончить со всякимъ неудобнымъ, то есть самостоятельнымъ судьей. Равноправность вѣроисповѣданій не мѣшаетъ тому, что „равноправные“ евреи почти не допускаются къ судейской карьерѣ и абсолютно не допущены къ производству въ арміи, хотя военная служба и обязательна для нихъ. Вообще австрійская армія считается до сихъ поръ частною собственностью династіи и всѣ высшіе посты въ ней занимаютъ люди, близкіе къ династіи или снискавшіе ея благоклонность, но не по заслугамъ въ военномъ дѣлѣ. Неудивительно поэтому, что и австрійскій парламентаризмъ на такой почвѣ не могъ развиваться нормально. Выборная геометрія соотвѣтствующая политикѣ правительства поддерживаетъ неравноправность націй и классовъ, даетъ перевѣсъ феодальнымъ и клерикальнымъ группамъ въ ущербъ представительству труда, промышленности и независимой интеллигенціи. Правительство, кромѣ того, систематически, иногда безсознательно, а иногда вполне сознательно, поддерживаетъ національныя распри и ожесточеніе однихъ націй противъ другихъ, видя въ этомъ источникъ своей силы. Въ парламентѣ оно большей частью играетъ роль биржевого маклера, который взаменъ желательныхъ ему уступокъ съ стороны депутатовъ, предлагаетъ имъ уступки желательныя для нихъ—разумѣется, иногда въ ущербъ общегосударственнымъ интересамъ. Хотя правительство, вслѣдствіе слабаго вообще развитія австрійской агрикультуры и промышленности, и не располагаетъ слишкомъ большими „секретными“ фондами для веденія систе-

матического разврата общественного мнѣнія, но оно располагаетъ громаднымъ запасомъ личныхъ концессій и синекуръ, а главнымъ образомъ, разыгрываетъ мѣстные интересы провинцій, націй и партій, бросая какъ приманку небольшіе клочки то одной, то другой группѣ, всегда стараясь не сдѣлать ничего вполне, избѣгая всякой основной реформы, останавливаясь на полумѣрахъ, держась того юмористическаго но вѣрнаго замѣчанія покойнаго графа Тааффе, что въ австрійскомъ парламентѣ только такая мѣра имѣетъ шансы на успѣхъ, которая никого собственно не удовлетворяетъ. Казалось бы, чего лучше? Австрійскому правительству оставалось только разыгрывать на старой клавиатурѣ все тѣ же старыя мелодіи и поддерживать на фонѣ общаго безсилія свой собственный и династическій авторитетъ. Еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія правительство само, кажется, вѣрило въ возможность такого положенія. Графъ Тааффе, личный другъ и товарищъ императора, со своимъ обыкновеннымъ игривымъ юморомъ пустилъ въ парламентѣ знаменитую фразу, которая звучитъ приблизительно такъ: надо перебиваться изо дня въ день и продолжать тянуть канитель, пока будетъ возможно,—характеризуя этой фразой самый существенный принципъ австрійской политики.

Но дѣйствительность оказалась болѣе серьезною, чѣмъ это думалось графу Тааффе, п событія 90-хъ годовъ XIX ст. равно какъ и начала текущаго, показали всю несостоятельность такой политики. Несмотря на сознательныя усилія политиковъ и благодаря отчасти тому, что они дѣлали не сознавая послѣдствій, въ Австріи и во всѣхъ ея провинціяхъ нарастали силы и стремленія, съ которыми нужно было считаться, нарастали элементы того, что въ настоящую пору составляетъ сущность австрійскаго кризиса. Къ обзору этихъ элементовъ, безъ котораго нельзя ясно понять того, что теперь дѣлается въ Австріи, мы и обратимся въ слѣдующій разъ.

Иванъ Франко.

Украинская пресса.

Къ настоящему времени составъ украинской прессы въ Россіи болѣе или менѣе опредѣлился. Нѣкоторыя изданія прекратили свое существованіе вскорѣ послѣ возникновенія, одни—вслѣдствіе внѣшнихъ препятствій, въ видѣ конфискацій и запрещеній, какъ, напримѣръ „Запоріжже“, „Добра Порада“ (оба—въ Екатеринославѣ); другія—вслѣдствіе трудности организаціи украинскаго издательства по чисто-техническимъ причинамъ, какъ заявляютъ редакціи—„Зори“ (въ Москвѣ) и „Слобожанщина“ (въ Харьковѣ); наконецъ, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, съ 4 номера перестали выходить одесскія „Вѣсти“. Такимъ образомъ, теперь выходятъ регулярно: ежедневная газета „Громадська Думка“ въ Кіевѣ, еженедѣльный „Рідний Край“ въ Полтавѣ, ежемѣсячная „Вільна Україна“ въ Петербургѣ и „Нова Громада“ въ Кіевѣ, еженедѣльная популярная „Світова Зірниця“ въ Могилевѣ-Подольскомъ, юмористическій „Шершень“ въ Кіевѣ и, наконецъ, пчеловодный ежемѣс. журналчикъ „Українське Бжильництво“ (въ Кіевѣ). Если присоединить сюда еще старую „Кіевскую Старину“, по-прежнему печатающую украинскую беллетристику, да двѣ газеты, помѣщающія иногда украинскія статьи—„Народную Пользу“ (въ Умані) и „Извѣстія Гадячскаго Земства“ то получимъ полный перечень теперешнихъ украинскихъ періодическихъ изданій. Вышедшій 27 мая въ Кіевѣ № 1 социаль-демократической газеты „Боротьба“ былъ конфискованъ, и неизвѣстно, будетъ ли дальше выходить эта газета. Нѣтъ сомнѣнія, что административный терроръ, держашій почти всю территорію Украины на положеніи усиленной охраны затормозилъ развитіе украинской прессы. Несмотря на свой молодой возрастъ, наша пресса обладаетъ уже крупнымъ, относительно, мартирологомъ (неразрѣшенные изданія—„Громадське Слово“, „Нове Життя“, „Праця“—въ Кіевѣ; конфискованныя и закрытыя послѣ перваго номера—„Народная Справа“ въ Одессѣ и „Запоріжже“ въ Екатеринославѣ приостановленный послѣ № 5 „Хлібороб“, приостановка „Громадської Думки“, конфискація № 3 „Вільної України“, № 20 „Рідного Края“,

№ 1 „Гром. Думки“). Въ цѣломъ рядъ крупныхъ центровъ запрещена розничная продажа „Гром. Думки“ и „Рідного Края“, происходит хроническое изытіе всѣхъ вообще украинскихъ газетъ изъ народныхъ читаленъ и бесплатныхъ библиотекъ; существованіе подѣ постоянной угрозой закрытія, все это заставляетъ думать, что правильное развитіе украинской прессы, въ видѣ увеличенія ея количества и совершенствованія качественно—возможно лишь послѣ снятія въ краѣ всевозможныхъ охранъ и уничтоженія административнаго произвола. Во всякомъ случаѣ, теперь еще украинская пресса переживаетъ переходный моментъ своего формироваія, хотя дифференціація по направленіямъ достаточно ясно опредѣлилась и въ данный моментъ.

Переходя къ обзору содержанія украинскихъ періодическихъ изданій за послѣднія 4—5 недѣль, мы должны отмѣтить, что подъемъ общественной жизни со времени избирательной кампаніи въ Думу, послѣ пережитыхъ ужасовъ зимы 1905—6 года, отразился на единственной пока ежедневной украинской газетѣ—„Гром. Думкѣ“, значительно ожививъ ея содержаніе, сдѣлавъ болѣе яркимъ ея тонъ. Въ ней появился рядъ горячо и смѣло написанныхъ статей относительно событій первыхъ недѣль нашей парламентской жизни, много очень интересныхъ статей и корреспонденцій объ выборахъ, характеристики избранныхъ въ Думу украинскихъ депутатовъ; изъ Петербурга присылаются обстоятельныя корреспонденціи о засѣданіяхъ Думы, союза автономистовъ и украинскаго парламентскаго клуба. Статьи по вопросамъ внутренней политики въ Россіи, съ точки зрѣнія интересовъ украинскаго народа, освѣщались въ духѣ программы украинской радикально-демократической партіи. Спеціально-украинскіе вопросы въ послѣднихъ номерахъ „Гр. Дум.“, сравнительно съ вопросами общегосударственной жизни,—въ виду особой важности послѣднихъ въ данный моментъ,—отошли какъ бы на второй планъ, что и весьма понятно. Нельзя не указать, что на страницахъ „Гр. Д.“ мы видимъ мало статей по земельному вопросу, такъ интересующему теперь украинскій народъ; статистико-экономическіе и программныя статьи теперь были бы особенно интересны для того, чтобы учесть, что именно вносить своего украинское крестьянство въ рѣшеніе этого первостепеннаго по своему значенію для всего государства вопроса.

Изъ отдѣльныхъ статей мы отмѣтимъ слѣдующія „Россійска соціаль-демократія і національне питання“ (№ 106), „Дещо про наші партіі“ (№ 110)—статья знакомящая съ тремя важнѣйшими украинскими партіями: соціаль-демократической (б. революціонной укр. п.),

радикально-демократической и народной. Статьи г-жи Русовой об украинском учительском союзѣ (№ 114), „Земельный голод в Кнѣвщинѣ“ В. Доманицкаго (№ 115) и его же про потребительскія товарищества (№ 108).

Въ виду отсутствія въ данное время руководящаго украинскаго органа, который знакомилъ бы украинскую интеллигенцію со всѣми проявленіями политической и національно-культурной жизни на Украинѣ, „Гр. Думкѣ“, газетѣ популярной, приходится отчасти по полнять этотъ пробѣлъ, помѣщая иногда статьи и замѣтки на темы, превышающія запросы читателя изъ народа; съ другой стороны тонъ газеты, стиль и языкъ не всегда выдержаны въ строго-популярномъ тонѣ, что, разумѣется, происходитъ отъ того, что пишущій не всегда представляетъ себѣ опредѣленно своего читателя. Эта нѣкоторая нестрога содержанія и тона, препятствуютъ пока газетѣ принять совершенно опредѣленную фізіономію (мы не говоримъ объ общемъ *направленіи* газеты, которое, повторяемъ, строго выдерживается въ духѣ программы украинской рад.-дем. партіи). Понятно, съ развитіемъ украинской прессы произойдетъ дифференціація ея и въ этомъ отношеніи.

Гораздо болѣе опредѣленную фізіономію народной газеты имѣетъ еженедѣльный „Річний Край“. Также, какъ и „Гром. Думка“, онѣ далъ на своихъ страницахъ (№№ 16—19) яркую картину избирательной кампаніи, а въ своихъ многочисленныхъ корреспонденціяхъ—и крестьянскихъ настроеній на Украинѣ за истекшій мѣсяць. Сравнительно болѣе легкія цензурныя условія, чѣмъ, напримѣръ, въ Кіевѣ, дали возможность „Рідному Краю“ выражаться болѣе опредѣленно и рѣшительно по всѣмъ главнѣйшимъ пунктамъ программы украинской радикально-демократической партіи, чѣмъ это мы видимъ въ „Громад. Думкѣ“. Изъ отдѣльныхъ статей въ послѣднихъ №№ заслуживаютъ особеннаго вниманія передовая—о задачахъ украинской интеллигенціи (№ 18) и статья о народной школѣ на Украинѣ (№ 21).

4-я книга „Вільної України“ значительно уже по своему содержанию и объему, чѣмъ предыдущія. Остановимся болѣе подробно на статьѣ г. М. П. „Краева автономія України въ свѣтлѣ „соціально-демократичної“ критики“. Прежде—одно замѣчаніе. Въ № 3 составъ редакціи журнала и сотрудниковъ измѣнился и теперь въ началѣ номера, редакція объявляетъ, что съ 3-ей книги „Вільна Україна“ приняла опредѣленное соціально-демократическое направленіе и далѣе, устами г. М. П. снимаетъ съ себя ответственность за № 1-й журнала и особенно за статью г. Смутка объ автономіи Украины. И такъ, мы имѣемъ дѣло съ украинскимъ социал-

демократическимъ журналомъ, хотя русскіе социаль-демократы въ лицѣ г. Лукашевича (Вѣстникъ Жизни, № № 1—2) не охотно признають „правовѣрность“ украинской социаль-демократіи. Статья г. М. П. и является отвѣтомъ на статью г. Лукашевича, въ которой съ украинской социаль-демократіи снимается упрекъ въ націонализмъ и въ отсутствіи реальной потребности автономіи Украины съ точки зрѣнія интересовъ ея пролетаріата. Авторъ доказываетъ, что національная идея для украинскихъ социаль-демократовъ полна глубокаго пролетарскаго и международнаго содержания. Автономія Украины представляется необходимою, въ видахъ уничтоженія теперешняго государственнаго централизма, тормозящаго экономическое развитие страны, а потому вреднаго для пролетарскихъ массъ, такъ какъ упадокъ производительныхъ силъ влечетъ за собой задержку классовой борьбы. Национальный же гнетъ, въ свою очередь, задерживаетъ культурное развитие страны, также необходимое для свободнаго процесса борьбы классовъ. Национальный гнетъ, доказываетъ г. М. П., неизбѣженъ въ централизованномъ государствѣ при теперешнемъ капиталистическомъ строеѣ, избѣгнуть же его можно только добившись автономіи, которая не будетъ однако мѣшать экономическому централизму, необходимому все таки въ интересахъ пролетаріата. Свой взглядъ на автономію Украины г. М. П. обосновываетъ на политическихъ и экономическихъ аргументахъ объективнаго характера и совершенно отрицаетъ вліяніе здѣсь національнаго чувства, заявляя, что если бы автономія препятствовала развитію классовой борьбы, то укр. социаль-демократія отвергла бы ее, хотя бы она исходила „изъ самой глубины національнаго чувства“. Вообще, статья г. М. П. представляетъ интересный комментарий къ резолюціямъ 2-го съѣзда укр. с.-д. партіи, опубликованнымъ въ 3-й книгѣ той же „Вільної України“.

Очень живо и подробно составлены внутренній и вѣншній обзоры (первый принадлежитъ г. С. Тагану, второй—г. П. Понятенку). Относительно библіографіи замѣтимъ, что она поражаетъ отсутствіемъ рецензій на книги, касающіяся Украины, вмѣсто чего мы видимъ отзывы о мелкихъ русскихъ брошюркахъ на текущія темы, также непропорціонально скудна хроника—сравнительно съ предыдущимъ номеромъ.

№ 5 „Новой Громади“, кромѣ беллетристики произведенной, содержитъ интересную статью г. Писнячевскаго о наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, написанную на основаніи личныхъ наблюдений автора.

Статья В. Доманицкаго о гражданскомъ бракѣ и разводѣ даетъ любопытныя свѣдѣнія о народныхъ взглядахъ и народно-юридической практикѣ въ этой области, какъ въ старину такъ и теперь. Статья

г. Доманицкаго—цѣнный вкладъ въ нашу небогатую литературу, доступную для обыкновеннаго читателя, по вопросу о гражданскомъ бракѣ въ понятіяхъ и практикѣ украинскаго народа. Молодой галицкій публицистъ М. Лозинскій даетъ очеркъ научныхъ работъ покойнаго А. Менгера и, кромѣ того, хронику политической жизни австрійской Украины, сконцентрировавшей послѣднее время около вопроса избирательной реформы. Перу С. Ефремова (къ которому съ настоящей книжки перешло редактированіе журнала) принадлежатъ два очерка одинъ—внутренней жизни въ Россіи и другой, подъ названіемъ „Відгуки з житти й письменства“, посвященный, также, какъ и статьи г. М. П. въ „Вільної Україні“ отвѣту на статью г. Лукашевича. Давъ историческій очеркъ національнаго движенія угнетенныхъ народовъ какъ фактора прогресса, г. Ефремовъ вскрываетъ логическіе промахи статьи г. Лукашевича, ея фактическія неточности и ошибки.

Недавно вышедшая 3—4 книжка „Кіевской Старины“ заключаетъ, кромѣ двухъ беллетристическихъ укр. очерковъ, нѣсколько главъ изъ извѣстнаго труда М. Драгоманова „Историческая Польша и великорусская демократія“, отрывки изъ котораго начались въ „Кіевской Странѣ“ съ № 1 текущаго года. Помѣщенный въ настоящемъ номерѣ отрывокъ озаглавленъ „Бакунины и русскіе прогрессисты 60-хъ годовъ въ вопросѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ“.

Моментъ народженія украинской прессы и ея первые шаги совпали съ моментомъ великаго перелома въ жизни всего русскаго государства, перелома, сопровождающагося страшными потрясеніями и неслыханными ужасами; жизнь съ головокружительной быстротой выдвигаетъ одинъ за другимъ цѣлый рядъ вопросовъ, отъ того или иного рѣшенія которыхъ часто зависитъ вся будущность страны. И передъ молодой украинской прессой, какъ выразительницей нуждъ народа, надъ которымъ, кромѣ обще-политическаго и экономическаго гнета тяготѣетъ еще единственный въ своемъ родѣ національный гнетъ, выражающійся въ стремленіи подавить совершенно украинскую культуру и всѣ черты самобытности, всталъ сразу во весь ростъ цѣлый рядъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ. Оглядываясь на пройденное нашей прессой полугодіе, (начиная съ первой ласточки—лубенскаго „Хлібороба“), мы должны сказать, что она, не смотря на различное направленіе отдѣльныхъ органовъ, честно исполнила свой долгъ. Украинская пресса сразу сдѣлалась могучимъ орудіемъ въ дѣлѣ просвѣтлѣнія общественнаго самосознанія украинскаго народа.

Д. Д.

Жа Украинѣ.

Война—иначе нельзя характеризовать современное положение. Война, самая ожесточенная, длится уже два съ половиной года. Въ началѣ она велась съ врагомъ внѣшнимъ, теперь—ведется съ „врагомъ внутреннимъ“. Какъ ни страшна была первая, но все же ужасы ея блѣднѣютъ передъ той братоубійственной внутренней войной, когда такъ обильно проливается кровь мирныхъ и беззащитныхъ членовъ „государственной семьи“, когда вся изобрѣтательность самыхъ худшихъ сторонъ человѣческой природы направлена не только къ тому, чтобы побѣдить врага, но—и главнымъ образомъ—чтобы возможно болѣе устранивъ его, примѣненіемъ самыхъ безчеловѣчныхъ приемовъ произвола, насилия, издѣвательства—привести въ ужасъ и оцѣпенѣніе его волю.

Аресты, тюрьма, ссылка—это наиболѣе мягкіе способы административнаго воздѣйствія на внутренняго врага. Телеграммы пестрятъ сообщеніями о такихъ мѣрахъ воздѣйствія. „Тюрьмы вновь переполнены,—телеграфируютъ изъ Екатеринослава,—и изъ Мариуполя переведены сюда 27 политическихъ. Изъ нихъ 13 учителей. Среди нихъ учительница Егорова, тяжело больная. Она едва ли дотащится въ тобольскую губ., куда высылаются всѣ 27 человѣкъ“. Особенно много такихъ телеграммъ получается членами Государственной Думы, которые просто завалены сообщеніями о самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ административнаго произвола. Изъ Харькова сообщаютъ: „Сидимъ 4 и 5 мѣсяцевъ, допроса не было, обвиненія не предъявлено, 25 человѣкъ высылаютъ въ Нарымскій край, срокъ высылки неизвѣстенъ, есть больные, требуйте приостановки этапа и объясненій.“ На имя члена Госуд. Думы г. Тесли телеграфируютъ: „Послѣ четырехмѣсячнаго ареста много лицъ, оправданныхъ прокуратурою, жандармеріей представлены къ ссылкѣ. Членъ Государственной Думы г. Локоть получилъ изъ Александровска телеграмму слѣдующаго содержания: „Поселянъ, вынужденныхъ изъ тюрьмы мѣсяць тому назадъ,

опять арестовываютъ и отправляютъ въ Сибирь. Трясемъ остатки терпѣнія“.

И это не жалкія слова, а реальные факты, подтверждаемые изодня въ день. „Нашъ временный генераль-губернаторъ,—пинутъ изъ Кременчуга,—послѣднее время началъ проявлять особенную дѣятельность, занявшись высылкой политическихъ. Приказомъ за № 58 высланы были 48 лицъ въ разныя отдаленныя мѣста тамбовской, томской и вологодской губ. О карѣ, постигшей „заключенныхъ“, было объявлено за нѣсколько часовъ до высылки и большая часть изъ нихъ была лишена возможности попрощаться съ родными и взять необходимые вещи съ собою въ дорогу. Однимъ изъ „политическихъ“, корреспондентомъ „Полтавщины“ и „петерб. телегр. агентства“, было заявлено о болѣзни тюремной администраціи, но послѣдняя, не обративъ никакого вниманія, отправила его. По дорогѣ онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и лежитъ въ больницѣ“. Въ результатѣ такой энергической дѣятельности всякихъ генераль-губернаторовъ,—изъ-же нынѣ имена ты, Господи, всѣи,—на сѣверъ направляются цѣлыя поѣзда со ссыльными, какъ въ недавнее время военной мобилизаціи. „2 мая черезъ станцію „Харьковъ“,—сообщаетъ „Харьк. Ж.“,—продолжалъ поѣздъ, шедшій съ юга, съ цѣтью вагонами, переполненными высылаемыми на сѣверъ и Сибирь политическими. Среди нихъ было много молодыхъ людей обоего пола, крестьянъ и рабочихъ“. И везутъ, везутъ непрерывно, цѣлыми вагонами этихъ людей, отдавшихъ свою жизнь за общее благо—благо родины. Имъ не мѣсто здѣсь, на родинѣ, они здѣсь опасны своей любовью, своимъ самоотверженіемъ въ борьбѣ за лучшее ея будущее.

Но среди заключенныхъ ссыльныхъ есть и такіе, за которыми нѣтъ и тѣни даже той вины, какая вмѣняется другимъ, и которые попали въ ссылку лишь потому, что сбито съ толку революціоннымъ движеніемъ правительство потеряло всякій критерій въ различеніи правыхъ и виноватыхъ. Газета „Наканунѣ“ приводитъ интересный списокъ „преступниковъ“, содержащихся въ харьковской тюрьмѣ. Самый важный и интересный „преступникъ“—крестьянскій ребенокъ 15 лѣтъ Балинь, никогда не выѣзжавшій за предѣлы своей деревни Кровное. Когда его кто нибудь спрашиваетъ: „а ты за що попалъ сюды“, то слышишь одинъ и тотъ-же отвѣтъ:—„за те що засмі-і-я-я-вся“. Обвиняется этотъ тяжкій преступникъ вотъ въ чемъ. Около Кровнаго рабоче изъ экономіи рыл канаву. Къ нимъ подошелъ дѣдъ мальчишка Ефремъ Балинь, 75 лѣтній старикъ, ходящій на костыляхъ, и „прогналъ“ рабочихъ. Федосій, удивленный такой „силой и мощію“ своего дѣда, „засміявся“, вотъ за это-то „преступленіе“ онъ съ

15 апрѣля томится по тюрьмамъ. У старика въ тюрьмѣ отнялась рука, а теперь оба они назначены къ высылкѣ въ Уфимскую губ. Но галерея „тяжкихъ преступниковъ“ сумскаго уѣзда этимъ не исчерпывается. Есть еще два не менѣе тяжкихъ преступника: Степаненко 17-ти лѣтъ и Майборода, 18 лѣтъ. Эти два мятежные гражданина села Ястребенаго, сумскаго уѣзда, томится по тюрьмамъ съ 16 апрѣля за слишкомъ большое усердіе къ работѣ въ имѣніи графини Строгановой. Дѣло ихъ носитъ нѣсколько иной характеръ. Работая зиму и лѣто въ экономіи графини Строгановой, они настойчиво просили продолженія работы. „Мы жъ зиму у васъ робылы и весну всю робылы, дайте жъ и теперь намъ робыты“. За такое настойчивое предьявленіе своего „права на трудъ“ даже на чужой землѣ, согласно деклараціи нынѣшняго „конституціоннаго“ министерства, они тоже приговорены къ высылкѣ въ вологодскую губернію. Эти, въ отвѣтъ на всѣ разспросы, только плачутъ. Слѣдующее мѣсто въ „галлерей“ занимаетъ почтенный старикъ, на видъ лѣтъ 60, хотя ему всего 45 лѣтъ—Зленко. Тюрьма уже довела его до кровохарканія, и докторъ отказывается его лечить въ тюремныхъ условіяхъ. Онъ былъ избранъ ходокомъ ястребенскаго общества къ земскому начальнику Виктору де-Коннору, чтобы выручить общественныя суммы. Въ отвѣтъ на это требованіе земскій сказалъ: „Вы ихъ зачѣмъ требуете? чтобы передать Щербакъ“? И такъ какъ земскому начальнику во снѣ и на яву всюду мерещился ненавистный Щербакъ, то, по ассоціаціи идей, и Зленко оказался въ числѣ „политическихъ преступниковъ“, приговоренный теперь къ высылкѣ въ Вологодскую губернію. Наконецъ, послѣдній въ этой картинной галлерей Телѣгинъ 48 лѣтъ. Вина этого гражданина составляетъ тайну не только для начальства, но и для самого Телѣгина. На вопросъ же жены начальство отвѣтило: „Чтобъ не возилъ Щербакъ“.

Высылкѣ въ мѣста столь и не столь отдаленныя предшествуетъ тюремный режимъ, полный самаго глубокаго издѣвательства надъ человѣкомъ и приводящій на память ужасы тайныхъ застѣнковъ „слова и дѣла“. Въ „Полтавщинѣ“ напечатано длинное письмо политическихъ заключенныхъ. Разказавъ объ ужасахъ тюремной жизни (отмѣтимъ одинъ—десять дѣвочекъ 14—15 лѣтъ просидѣли мѣсяцъ въ одной камерѣ съ проститутками) авторы письма кончаютъ такъ: „Апеллировать некуда. Всякая попытка къ протесту вызываетъ все новыя репрессіи. Кто знаетъ, свидѣтелями чего мы можемъ быть впереди, въ этомъ застѣнкѣ, при такихъ условіяхъ. Везомощное положеніе заключенныхъ заставляетъ взывать путемъ печати къ обществу и властямъ, коимъ вѣдать сіе надлежитъ. Нѣтъ мочи больше

молчать; нервы издерганы наглою ругней, рыданіями и криками ужаса и протеста. Порой чудится средневѣковый инквизиціонный застѣнокъ“.

Полтавскіе заключенные все же еще можно сказать счастливы,— по крайней мѣрѣ, хоть до поры, до времени; имъ пока лишь только чудится инквизиціонный застѣнокъ. Екатеринославскіе заключенные уже испытали ужасы застѣночнаго, звѣрскаго избіенія. Въ екатеринославскомъ исправительномъ отдѣленіи („ротахъ“) къ 1-му мая числилось 65 политическихъ заключенныхъ. 1-го мая въ камерѣ № 7 раздалось пѣніе. Старшій надзиратель Турченко потребовалъ прекратить пѣніе, и когда его приказаніе не было исполнено, онъ собралъ еще 12 надзирателей, ворвался съ ними въ камеру и началось ужасное избіеніе. Изъ 24-хъ заключенныхъ 15 нанесены были серьезныя пораненія. Затѣмъ всѣ надзиратели направились въ сосѣднюю камеру № 8. Оттуда даже и пѣнія не было слышно. Надзиратель Турченко замахнулся шашкой на заключеннаго Цивильку. Послѣдній ловкимъ движеніемъ уклонился отъ удара, который пришелся по столу. Сила удара была такъ велика, что отъ стола полетѣли щепки. Въ этой же камерѣ были избиты еще Чекалова, П. Вѣлый, причѣмъ Турченко начиналъ, а надзиратель Кузьменко продолжалъ. Затѣмъ вся брда надзирателей направилась въ камеру № 9. Когда они приближались къ этой камерѣ, одинъ изъ надзирателей замѣтилъ старшему, что въ этой камерѣ все время было тихо. Но старшій надзиратель съ крикомъ: „Все равно! Бить, такъ бить всѣхъ!“—приказалъ отпереть дверь. Здѣсь избіеніе началось съ предварительной командой „начинай!“ Надзиратели расирѣдѣли между собою жертвы. Надзиратель Соболевъ набросился на заключеннаго В. Вѣлова и убилъ его изъ револьвера. Надзиратель Прохоровъ ударами шашкой плашмя свалилъ заключеннаго Игнавьева подъ койку. На несчастнаго Игнавьева наступали по очереди еще два надзирателя—Соболевъ и Мехяничъ. Больше всѣхъ досталось заключенному Гольшу. На послѣдняго накинулись Турченко и Прохоровъ. Этотъ Гольшъ получилъ 4 смертельныя раны въ брюшную полость и въ спину. Всѣ раны колотыя, нанесены шашками. Тамъ же надзиратель Соболевъ поранилъ голову револьверомъ заключенному Даниленко. Одному изъ заключенныхъ, Завадскому-отцу, надзиратель Турченко огрубилъ палецъ на лѣвой рукѣ. Надзиратели до того усердствовали, что послѣ избіенія найдены были на полу въ камерѣ обломки отъ револьверовъ и шашекъ въ крови. („Стр.“).

Таковы тюремные порядки; попасть въ тюрьму—значить попасть въ условія совершенно вѣзаконнаго существованія — до дикихъ истязаній и убійства включительно. Но весь ужасъ жизни въ томъ

именно и заключается, что указанные порядки, являющіеся возмутельнѣйшимъ беззаконіемъ и въ тюремной жизни, перешагнули тюремныя стѣны и получили широкія гражданскія права и въ обычныхъ условіяхъ существованія. Вся жизнь обратилась въ каторжную тюрьму, въ которой право жизни и смерти, имущество и честь обывателей мертвого дома безапелляціонно и безотвѣтственно принадлежать всякаго рода большимъ и малымъ тюремщикамъ. „Внутренняя политика“ направлена именно къ поддержанію и усиленію существующаго тюремнаго режима. Съ этой цѣлью издаются въ послѣднее время законы объ увеличеніи кредита на содержаніе полиціи, о кредитахъ на выдачу пособій чинамъ полиціи, и т. п. Полицейская армія растетъ и растетъ на устрашеніе обывателя, который и является объектомъ ея воинственныхъ воздѣйствій, тѣмъ именно искомымъ непріателемъ, котораго требуется или просто „уничтожить“ или „раздавить въ зародышѣ“ — по вкусу и обстоятельствамъ. Провинціальныя изданія перестраютъ сообщеніями о возрастаніи усмирительныхъ кадровъ. „Въ Новочеркасскѣ находится около 50 человекъ урядниковъ-инструкторовъ, которые знакомятся съ устройствомъ и употребленіемъ пулеметовъ. По окончаніи обученія пулеметы будутъ распределены по округамъ, гдѣ и будутъ обучаться казаки стрѣльбѣ и употребленію пулеметовъ“ („Д. Ж.“). Ужъ что кажется — Липовець, — на что ужъ, повидному, „нарочито невеликій городокъ“, а и здѣсь, — по сообщенію корреспондента „Страны“, — полицейская команда, благодаря заботливости администраціи, увеличивается на 10 чел. Такимъ образомъ, впредь мѣстная полицейская стража будетъ состоять: изъ 53 конныхъ и пѣшихъ стражниковъ и 33 городовыхъ. Принимая во вниманіе, что съ окончаніемъ выборовъ въ Государственную Думу въ городскомъ управленіи и уѣздной по дѣламъ земскаго хозяйства управѣ караулы сняты, на будущее время для полиціи остается ждать „приключеній“... Благодаря избытку полицейскихъ „средствъ“, 6 мѣстныхъ „политическихъ“ преступниковъ непрерывно охраняются 10-ю стражниками...

„Приключеній“ ждать долго не приходится. Если нѣтъ для нихъ достаточнаго повода, — они создаются искусственно. Въ Бѣлой-Церкви группа изъ 10 человекъ мирно прогуливалась по Комиссаровской улицѣ. Вдругъ вся площадь на Комиссаровской улицѣ была оцѣлена цѣлымъ отрядомъ стражниковъ, начавшихъ избіеніе всѣхъ попавшихся въ плѣнъ. Съ криками: „лови! держи!“ — они пустились вслѣдъ за убѣгавшими, арестовали 10 человекъ, которые были приведены въ участокъ уже сильно избитыми. Въ участкѣ, въ уголовно-арестантской камерѣ, ихъ раздѣли до-нага, велѣли имъ поднять руки

кверху и намоченными въ водѣ и туго скрученными полотенцами, въ которые были завернуты камни, ихъ начали истязать до тѣхъ поръ, пока у истязуемыхъ уже не хватило силъ кричать; у одного хлынула горломъ кровь. Всѣ арестованные, кромѣ двухъ, у которыхъ найдены прокламаціи и брошюры, на слѣдующій день были освобождены. Жизнь избитаго, у котораго появилось кровохарканіе, въ опасности („Н. Ж.“). Изъ Екатеринослава сообщаютъ, что 14 мая тамъ произошло нападеніе полиціи и войска на собраніе на Кудашевской улицѣ. Завязалась драка, перешедшая въ перестрѣлку. Ранено 13 человекъ, тяжело раненыхъ — пять, одна дѣвушка убита. Арестовано около 70 человекъ. Со стороны полиціи раненъ одинъ городской. Особенно безудержно проявляется административный произволъ на крестьянахъ. Члену Государственной Думы А. Е. Бабичу пишутъ, что въ с. Карюповкѣ, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи, мѣстный полицейскій надзиратель почти каждый день сбѣчетъ мирныхъ жителей. Въ ночное время онъ появляется съ казаками въ квартирахъ мирныхъ обывателей и сбѣчетъ ихъ до полусмерти. Крестьянина этого села Дмитрія Езловецкаго, избитаго, казакъ на арканѣ тащилъ въ полицейскій участокъ на разстояніи полуверсты. Такъ поступили и съ одной женщиной. Тотъ же надзиратель призвалъ къ себѣ въ канцелярію сельскаго старосту и объявилъ ему, что онъ окружитъ село Карюповку казаками и сожжетъ его.

Угроза эта — не пустая угроза. Какъ подобныя угрозы приводятся въ исполненіе, — читаемъ въ корреспонденціи изъ Суражскаго уѣзда той же Черниговской губ. На винокуренномъ заводѣ мѣстнаго земскаго начальника и крупнаго землевладѣльца Стоша рабочіе потребовали прибавки заработной платы и на двѣ недѣли приостановили заводъ. Рабочіе были главнымъ образомъ изъ деревни Кибирщины. Въ Кибирщину явился помощникъ исправника въ сопровожденіи нѣсколькихъ стражниковъ и десяти казаковъ. Казаки давно уже стояли здѣсь, оберегая семь имѣній и два винокуренныхъ завода Стоша. Пом. исправника явился, чтобы арестовать зачинщиковъ. Появленіе властей было предувѣдомлено пастухомъ, который издалъ затрубилъ въ рожокъ. Все населеніе деревни выбѣжало на улицу съ вилами, топорами, и помощникъ исправника принужденъ былъ удалиться со своими казаками, никого не захвативъ. Обо всемъ происшедшемъ было дано знать куда слѣдуетъ, и черезъ нѣсколько дней въ Кибирщину явился ген. Рудовъ, начальникъ черниговскаго жандармскаго управленія, со всѣми казаками, стоящими въ имѣніяхъ Стоша. Казаки влетѣли въ село и сейчасъ же съ разныхъ концовъ села зажгли 6 гуменъ. Въ селѣ началась паника, крестьяне частъ

начали въ ужасѣ разбѣгаться изъ села въ поле, частью бѣжали по улицамъ; кругомъ стояли вопль и стоны; скотъ выскочилъ изъ хлѣвовъ и тоже бѣгалъ по улицамъ. А казаки носились на своихъ лошадяхъ, стрѣляли, рубили шашками и хлестали нагайками. Одинъ крестьянинъ былъ изъ револьвера убитъ казачьимъ офицеромъ; онъ бросился въ свою хату, и офицеръ убилъ его черезъ окно. Другой крестьянинъ, выглянувшій изъ воротъ своего двора, былъ убитъ казакомъ. Раненыхъ и искалѣченныхъ много, нѣсколько стариковъ умерло отъ ужаса, одинъ крестьянинъ ослѣпъ. Потомъ казаки подошли еще пять хатъ и удалили съ ген. Рудовымъ въ одно изъ имѣній Стоша до слѣдующаго дня. На слѣдующій день ген. Рудовъ съ казаками явились снова въ Кибирщину, чтобы произвести „судъ“. Всѣ они были пьяны, прѣхавъ сюда послѣ обильнаго завтрака у Стоша. Село они нашли пустымъ, крестьяне разбѣжались кто куда могъ. Казаки поѣхали по сосѣднимъ селамъ съ приказаніемъ, чтобы кибирщане немедленно возвращались въ свою деревню, иначе они сожгутъ все, что осталось еще тамъ. Крестьяне собрались. Рудовъ заставилъ всѣхъ стать на колѣни и продержалъ ихъ такъ на снѣгу при сильномъ морозѣ больше трехъ часовъ. Потомъ началась поголовная порка. Выпороты были всѣ безъ исключенія. Затѣмъ ген. Рудовъ, принявъ отъ крестьянъ хлѣбъ-соль, сказалъ, что онъ ихъ прощаетъ и двинулся дальше въ деревни Латаки и Заборье („Н. Ж.“).

Во всѣхъ этихъ звѣрскихъ издѣвательствахъ надъ человѣческимъ достоинствомъ беззащитныхъ людей видѣнъ, по крайней мѣрѣ, хоть какойнибудь мотивъ, хотя бы и такой дикій — что всѣ средства хороши для обузданія разбойниковъ. Но вакханалія произвола дошла до такой степени, что самыя безчеловѣчныя поступки совершаются уже безъ всякаго повода и мотива, въ силу одной незнающей удержу разнузданности кровожадныхъ и гнусныхъ инстинктовъ. Въ Воронежѣ, наиримѣръ, произошелъ слѣдующій крайне возмутительный случай. У воротъ дома, на лавочкѣ, мирно сидѣли двое стариковъ и разговаривали между собою. Вдругъ па углу улицы показалась процессія изъ двухъ пьяныхъ околоточныхъ, еле держащихся на ногахъ и поддерживаемыхъ городовымъ. Ни слова не говоря, безъ всякой видимой причины, околоточные стали бить беззащитныхъ стариковъ, пользуясь пустынною улицю, на которой въ это время никого не было, кромѣ дѣтей. Потѣшившись вдоволь и раскровянивши старикамъ лица, околоточные, благоговѣнно поддерживаемые раболѣпнымъ городовымъ, ввалились на извозчика и оставили мѣсто своего „подвига“. Въ томъ же Воронежѣ имѣла мѣсто такая милая сценка. Сидятъ у воротъ ночной сторожъ и другой блюститель порядка. Проходитъ

мимо дѣвушка. Одинъ изъ блюстителей, видимо — просто со скуки, спрашиваетъ сторожа: „не подстрѣлить ли?“ „Стрѣляй!“ — разрѣшаетъ тотъ. Выстрѣлъ грянулъ — и только по одной счастливой случайности, по неумѣнью стрѣлявшаго — пострадала лишь кофточка ни въ чемъ неповинной дѣвочки.

Кровь стынетъ отъ ужаса, когда читаешь описаніе гнуснаго насилія надъ беззащитной дѣвучкой же въ Конотопѣ.

Поздно вечеромъ изъ конотопской почтово-телеграфной конторы возвращалась домой послѣ работы телеграфистка.

— Стой. Кто идетъ?

Дѣвушка вздрогнула и остановилась. Подошелъ казакъ, а за нимъ другой.

— Пропускъ есть? Ты кто такая? — Пропуска не оказалось. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Хотя не найдется другой страны, гдѣ бы обывателя опутывала такая цѣпкая сѣть бумажной паутины, но, вѣроятно, не найдется нигдѣ и обывателя, который съ такимъ отвращеніемъ относился бы къ бумажнымъ формальностямъ и игнорировалъ ихъ несмотря на всю ихъ реальность, несмотря на то удрученіе обывателя бумагой, которое производится десятки лѣтъ и которое сдѣлало существованіе русскаго человѣка невыносимымъ безъ бумажнаго „вида“, безъ ярлыка за номеромъ.

Въ Конотопѣ военное положеніе только что было введено и обыватели еще не вѣдали, что значить „воспрещается выходить на улицу послѣ 8 час. вечера“.

— Вамъ нужно удостовѣреніе о моей личности? — спрашиваетъ телеграфистка. Почт.-тел. контора въ двухъ шагахъ. Я — такая то. Можете удостовѣриться...

— Нѣтъ, стой...

Одинъ казакъ ушелъ, а дѣвушка переживала томительныя минуты тревожнаго ожиданія... Наконецъ казакъ вернулся отъ начальства.

— Сказано: *можете дѣлать съ нею, что хотите...*

И съ нею дѣлали, что хотѣли. Съ нею дѣлали все, на что толкали этихъ грубыхъ, закорюзлыхъ людей, выросшихъ среди насилія, пропитанныхъ атмосферой насилія, звѣрскіе зоологическіе инстинкты... Съ обнаженными шашками, занесенными надъ головою, дѣвочку насильовали казаки одинъ за другимъ... („Стр.“).

Нѣтъ человѣка, въ которомъ сохранилась бы хоть искра чело-вѣческаго чувства и въ которомъ нарисованная картина не вызвала бы самаго глубокаго протеста противъ всей системы режима, на почвѣ котораго создается и процвѣтаетъ такое отвратительное над-

ругательство надъ человѣкомъ. Если подобныя мѣры воздѣйствія на мирныхъ гражданъ имѣютъ въ виду „раздавить въ самомъ зародышѣ“ крамольное недовольство обывателя своимъ положеніемъ, то нужно быть просто слѣпымъ, чтобы не видѣть самой очевидной вещи,—что мѣры эти приволятъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, возмущаютъ лучшія чувства человѣка, вызываютъ на активный протестъ противъ невозможныхъ условій существованія и тѣмъ самымъ, вопреки, казалось бы, даже прямымъ цѣлямъ самихъ организаторовъ насилія бросаютъ все новый горячій матеріалъ во все болѣе сильно и властно разрастающійся пожаръ революціоннаго движенія.

Spectator.

Бібліографія.

Драгомановъ, М. П. Политическія Сочиненія т. I и II Парижъ 1905 г. изд. ред. „Освобожденія“ (печатаются на средства украинцевъ демократовъ) ц. I т. 5 франковъ, II—10 фр.

Въ Парижъ выходятъ въ первый разъ въ полномъ изданіи политическія сочиненія украинскаго ученаго и публициста М. П. Драгоманова, написанныя на русскомъ языкѣ. Заботливой и знающей рукой собраны мельчайшія статьи и замѣтки великаго политическаго писателя и патріота Украины въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ 1-й томъ вошли два его сочиненія: „Историческая Польша и Велико-русская Демократія“ и „Вольный Союзъ“ или „Опытъ украинской политикосоціальной программы“. Во II т. всѣ его статьи о русско-болгарской войнѣ, „Либерализмъ и земство въ Россіи“, „Дѣтубійство русскаго правительства“, и многія другія, рисующія весь политическій гнетъ, въ какомъ погибала и Украина и Россія въ 70-хъ и 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія. О всѣхъ этихъ сочиненіяхъ покойнаго писателя будетъ дана въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ подробная статья, такъ какъ политическіе взгляды Драгоманова имѣютъ для украинцевъ особенно важное значеніе въ переживаемое нами время. Теперь мы только обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на это первое собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова съ краткой его біографіей. Желательно самое широкое распространеніе этого цѣннаго изданія.

**М. Драгоманов. Шевченко, українофіли й есоціалізм
з передмовою Ів. Франка. Львів, 1906.**

Книжка Драгоманова, перепечатанная теперь во Львовѣ изъ жевевской „Громады“, принадлежитъ къ числу лучшихъ его статей на общественныя темы. Появленіе этой статьи было вызвано полнымъ отсутствіемъ критическаго отношенія со стороны украинскаго общества (главнымъ образомъ, въ Галиціи) къ своему великому поэту, приведшимъ къ возникновенію въ Галиціи такъ наз. „культъ“ Шевченка. Наиболѣе цѣнное въ произведеніяхъ Шевченка — его глубокой демократизмъ, неподдѣльная враждебность ко всякому насилію и гнету, своего рода революціонный тонъ — пришлось не по вкусу и не было оцѣнено тогдашней галицкой интеллигенціей, проникнутой клерикализмомъ и лишь слегка затронутой демократическими идеями. И вотъ началось „препарированіе“ идей поэта, сдѣлавшагося официальнымъ лозунгомъ украинской народности. Въ то же время не было недостатка въ обвиненіи Шевченка въ атеизмъ, въ безнравственность — со стороны ультра-клерикаловъ. Съ другой стороны, на Украинѣ російской преувеличивалось идейное и революціонное значеніе Шевченка, и были люди, считавшіе „Кобзарь“ евангеліемъ для соціально-революціонной проповѣди въ народѣ. По мнѣнію Драгоманова, социалистомъ Шевченка ни въ коемъ случаѣ назвать нельзя; но это былъ революціонеръ по своему темпераменту, и революціонность его настроенія, его глубокая гуманность и высокія художественныя достоинства его стихотвореній и составляетъ всю истинную цѣнность поэзіи Шевченка. Въ концѣ своей статьи Драгомановъ подвергаетъ блестящей критикѣ „самобытническое“ настроеніе тогдашнихъ украинскихъ и русскихъ революціонеровъ, приводившее ихъ къ апологіи пугачевщины и гайдамачины въ примѣненіи къ своей собственной эпохѣ. Предисловіе г. Франка даетъ цѣнные историческіе комментаріи къ книгѣ Драгоманова.

Если даже не во всемъ можно согласиться съ авторомъ, во всякомъ случаѣ книга его очень цѣнна, въ виду общей скудости критической литературы о Шевченкѣ, особенно теперь, когда впервые широкая публика получитъ возможность ознакомиться со всѣмъ „Кобзаремъ“ полностью.

Д. Д.

М. Грушевський. Історія України-Руси. Т. V, ч. I и II, У Львові. 1—384—385—688. Цѣна 3 р. 60 к. за об'є части.

Проф. Львовскаго университета М. С. Грушевскій предпринялъ обширный научный трудъ — полную, подробную научную исторію Украины. До сихъ поръ издано авторомъ 5 томовъ, причемъ вторая часть послѣдняго, пятаго тома появилась здѣсь на дняхъ. Въ пятомъ томѣ исторіи авторъ имѣетъ въ виду прослѣдить эволюцію общественно-политическихъ отношеній, экономической и культурной жизни въ украинскихъ земляхъ въ XIV—XVI в.в., какъ она развивалась среди тогдашнихъ политическихъ условий, завершившись подъ ихъ вліяніемъ полной перестройкой украинскихъ отношеній, и представить картину этихъ измѣненныхъ по чужому образцу отношеній и самой жизни на Украинѣ къ концу XVI в. Первая половина 5-го тома даетъ исторію общественно-политическихъ измѣненій и картину новаго общественно-политическаго устройства, во второй половинѣ — представлена организація церкви въ этотъ интереснѣйшій періодъ церковной жизни на Украинѣ, когда она устраивалась здѣсь на такихъ, казалось бы, прочныхъ демократическихъ началахъ.

Научный авторитетъ автора Історіи України-Руси избавляетъ насъ отъ необходимости рекомендовать вчовъ вышедшіе, какъ и предидущіе, томы его цѣнной исторіи вниманію всѣхъ, кто дѣйствительно интересуется исторіей Украины и желаетъ изучить ее по послѣднимъ даннымъ науки. Не смотря на научный характеръ изданія, оно чуждо спеціализаціи и изложение его вполне доступное; все, что имѣетъ значеніе исключительно для спеціалистовъ, помещено въ приложеніяхъ къ каждому тому, въ видѣ обширныхъ примѣчаній, изъ которыхъ многія являются отдѣльными самостоятельными изслѣдованіями.

А. Л.

Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. 2-е изд. СПб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Книга проф. Грушевскаго въ своемъ 1-мъ изданіи произвела на украинское общество впечатлѣніе общественнаго событія. И дѣйствительно, это было общественное событіе: широкая публика получила впервые научный, полный, систематическій курсъ родной исторіи, написанный самымъ компетентнымъ теперь въ данной сферѣ украинскимъ ученымъ. Курсъ этотъ составился

изъ лекцій, читанныхъ пр. Грушевскимъ весною 1903 года въ Высшей Рус. Школѣ въ Парижѣ. До сихъ поръ въ нашей литературѣ не существовало труда, который охватывалъ бы исторію украинскаго народа на всемъ протяженіи его историческаго бытія, въ философскомъ освѣщеніи его культурной эволюціи. Имѣлись лишь отдѣльныя монографіи по отдѣльнымъ періодамъ исторіи, преимущественно—спеціального характера.

Въ наукѣ и въ обыкновенномъ обиходѣ господствовала официальная „схема“ русской исторіи, по которой исторія украинскаго народа до XIII ст. разсматривалась не какъ періодъ самостоятельной украинской исторіи, а лишь какъ звено „русской“ исторіи, непосредственнымъ продолженіемъ котораго была исторія Руси Московской. По этой схемѣ собственно украинская историческая жизнь зарождается лишь въ XV—XVI вѣкахъ, да и то трактуется въ исторіи какъ придатокъ къ „общерусской“ исторіи и излагается по столько, по сколько входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ послѣдней. Весь трудъ пр. Грушевскаго служить научнымъ опроверженіемъ этой псевдонаучной „схемы“.

Первое изданіе книги разошлось менѣе чѣмъ въ одинъ годъ, и вотъ передъ нами 2-е изданіе, значительно дополненное противъ прежняго. Совершенно переработаны послѣднія главы исторіи, касающіяся жизни украинскаго народа въ XIX ст.; событія доведены до самыхъ послѣднихъ дней, и читатель можетъ представить себѣ полную и яркую картину того, насколько современное освободительное движеніе отразилось на судьбахъ украинскаго народа, преимущественно, по вопросамъ культурныхъ отношеній.

Для развитія украинскаго національнаго самосознанія „Очеркъ исторіи украинскаго народа“ является дѣйствительно событіемъ.

Д. Д.

**Др. Стефанъ Томахівський. Володимир Антонович.
Львів 1906.**

Статья эта написана по поводу юбилея проф. В. Б. Антоновича и ея задача—представить по возможности полную исчерпывающую характеристику сорока-лѣтней научной дѣятельности мастигаго ученаго—выполнена съ большою внимательностью. Послѣ вводныхъ общихъ замѣчаній о значеніи В. Б. Антоновича, какъ ученаго, авторъ группируетъ научные труды юбиляра по ихъ темамъ и разсматриваетъ произведенія одной группы за другой въ порядкѣ исторической послѣдовательности, такъ, что начи-

нається обзоръ съ трудовъ археологическаго содержанія и заканчивается изслѣдованіями по исторіи XVIII в.; пужно отмѣтити, что авторъ—самъ историкъ—останавливается мѣстами надъ современнымъ положеніемъ затронутыхъ вопросовъ и, такимъ образомъ, читатель находитъ указанія, гдѣ научные выводы В. Б. Антоновича сохраняютъ и доселѣ свое значеніе и гдѣ новѣйшіе изслѣдователи внесли свои поправки въ прежніе взгляды и соображенія. Закончивъ разборъ трудовъ юбиляра, авторъ переходитъ къ выясненію облика В. Б. Антоновича, какъ изслѣдователя, и заканчиваетъ весьма интересными указаніями на пониманіе схемы историческаго процесса и учетъ значенія отдѣльныхъ историческихъ факторовъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ В. Б. Антоновича.

А. Г.

Б. Гринченко. На безпросвѣтномъ пути. Кіевъ. 1906 г.
Ц. 25 к.

Б. Грінченко. Якої нам треба школи. У Київѣ. 1906.
Ц. 4 к.

Брошюра г. Гринченка вскрываетъ одну изъ наиболѣ тяжелыхъ язвъ на организмѣ украинскаго народа—указываетъ на то глубоко-ненормальное положеніе, въ какое поставлена на Украинѣ народная школа, обратившаяся изъ органа просвѣщенія массы въ орудіе ея затемнѣнія. Къ общимъ для всей Россіи недостаткамъ школы присоединяется здѣсь еще одинъ крупный недостатокъ—задавшись политической миссіей обрусѣнія, школа и по языку, и по характеру и кругу сообщаемыхъ ею знаній и, вообще, по своему строю совершенно оторвана отъ жизни украинскаго населенія, интересамъ котораго она должна служить. „Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь,—говорилъ Ушинскій объ украинской народной школѣ,—то чему здѣсь удивляться?“ И школа эта осталась не только безпочвенной, но и безусловно вредной, такъ какъ примѣненіемъ системы народнаго оглушенія задержала естественный ростъ духовнаго и экономическаго развитія народа, ростъ его общественнаго и политическаго самосознанія. Въ интересной брошюрѣ г. Гринченка читатель и найдетъ яркую иллюстрацію ненормальнаго положенія украинской школы.

Другая брошюра г. Гринченка на украинскомъ языкѣ популяризируетъ тѣ же положенія для народнаго чтенія.

А. Л.

Списокъ книгъ, полученныхъ редакціей для отзыва.

- Проф. М. Грушевскій.** Очеркъ исторіи украинскаго народа. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1906. Стр. 512. Цѣна 2 р. 50 к.
- Его-же.** Украинство въ Россіи, его запросы и нужды. Спб. 1906. Стр. 48. Ц. 25 к.
- Б. Гринченко.** На новый шлях. Драма на 5 дѣй. У Київі, 1906. Стр. 62. Ц. 30 к.
- Его-же.** Якої нам треба школи. У Київі. 1906. Стр. 36. Ц. 4 к.
- Его-же.** На безпросвѣтномъ пути. Кієвъ 1906. Стр. 110. Ц. 25 к.
- Его-же.** Сам собі пан. Оповідання. У Київі, 1906. Стр. 29. Ц. 3.
- А. Бебель та Е. Пернерсторфер.** Національна та інтернаціональна ідея. перекл. з нім. З передмовою і додатком Б. Гринченка. У Київі. 1906. Стр. 38. Ц. 15 к.
- Д. Дорошенко.** Як відкрито новий світ. Спб. 1906. Стр. 55. Ц. 6 к.
- Его-же.** На громадській роботі. (Пителеймон Куліш). Спб. 1906. Стр. 32. Ц. 3.
- Д. Мережновскій.** Вѣчные спутники. (Пушкинъ). 3 изд. Спб. 1906. Стр. 90. Ц. 40 к.
- В. Розановъ.** Ослабнувшій фетишь. (Психологическія основы русской революціи). Спб. 1906. Стр. 24. Ц. 20 к.
- Н. П. Карабчевскій.** Второе прибавленіе къ книгѣ „Рѣчи“. 2 изд. Спб. 1906. Стр. 27. Ц. 25 к.

Поправка.

Въ № 1-омъ „Укр. В.“ на стр. 31, строка 16 сверху, вмѣсто „споръ“ междунаціональной и междувѣроисповѣдной борьбы.“

Слѣдуетъ читать:

спортъ междунаціональной и междувѣроисповѣдной борьбы.

Опечатки въ № 2 на стр. 412, 18 строка снизу.

Напечатано:

...крестьяне, какъ уполномоченные отъ волостей.

Слѣдуетъ:

...крестьяне, какъ уполномоченные отъ мелкихъ земельла дѣльцевъ...

На стр. 114 *напечатано* (4 стр. снизу) „защитникамъ...“

Слѣдуетъ:

„Зачинщикамъ...“

Напечатано (Стр. 82) въ подзаголовкѣ статьи: III

Слѣдуетъ: II.

Напечатано (Стр. 85, снизу 6 строка): Учителя.

Слѣдуетъ:

Почитатели.

ПЕРЕДПЛАТА НА 1906 р.
УКРАЇНСЬКЕ БЖІЛЬНИЦТВО

ІЛЮСТРОВАНА ЧАСОПИСЬ ПОСТУПОВОГО БЖІЛЬНИЦТВА

виходе 8 разів на рік книжками до 1^{1/2} арк.

Завдання часописі—служити потребам українського бжільництва і бути органом українських бжолярів.

Програм часописі:

Від редактора. До природньої історії бжіл. Вороги та хворобі бжіл. Догляд за бжолами. Здобутки від бжільництва. Вулики та темники. Бжільницьке начиння. Медові рослини. Зразкові пасічні господарства. Заходн та постапови по бжільництву. Ріжні звістки. Огляд бжільницької літератури. Закордонні новини. Вібліографія. Запнтання і відновіді. Оголошення.

Въ часописі згодились писати:

Горбачьов К., Єфремова Ган., Корабльов И., Кулагин Н. проф., Немоловський Ф., Павлович В., Свиренко А., Сніжневський П., Тваницькій П.

УМОВИ ПЕРЕДПЛАТИ:

у росії на рік 1 карб. — коп. } 3 пересилкою.
ЗА КОРДОН „ „ 1 „ 50 „ }

Поодинокі числа по 20 коп.

**Передплату адресувати: Київ, Печерськ, Міліннова вул.
ч 9, кв. 3. А. К. Титаренко.**

Редактор-видавець Ган. Єфремова.

Редактор Є. Архипенко.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

политическую и общественно-литературную газету

„ПОДОЛЬСКИЙ КРАЙ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки: на годъ—6 р., на полгода—3 р. 50 к.,
на три мѣсяца—2 р. и на одинъ мѣсяць 75 к.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—7 р., на полгода—4 р. на три
мѣсяца—2 р. 40 к. и на одинъ мѣсяць 85 к.

Со дня выхода газеты до конца года подписная плата—5 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

Подписка принимается съ 1-го и 15-го числа каждого
мѣсяца.

ТАКСА НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

за занимаемое строчкой петита мѣсто позади текста—5 к., впе-
реди текста—10 коп.—При абореметныхъ объявленіяхъ дѣлается
соотвѣтственная уступка. Предложеніе и спросъ труда—3 коп.
за строчку или 15 коп. за объявленіе.

**По новым правилам про пресу мають свободний вхід
до Росії:**

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСНИК

місячний літератури, науки й суспільного життя, IX рік видаєня, виходить
у Львові під редакцією *М. Грушевського*, *В. Гнатюка* і *І. Франка*
книжками 12—15 арк. Річна передплата для Росії 8 руб. (можна
платити частинами), піврічна 5 руб., поодинокі книжки 1 р.

ЗАПИСКИ НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА ІМ. ШЕВЧЕНКА

український науковий журнал, під редакцією *М. Грушевського*, XV рік,
виходить що два місяці книжками по 15 аркушів. Передплата в
Росії 6 руб. на рік, поодинокі книжки 1 р. 50 коп.

Посилати на адресу: Львів (Lemberg), Австрія, ул. Чарнецького, 26,
Літ.-Наук. Вісник (Anzeiger für Literatur und Wissenschaft), або
Наук. тов. ім. Шевченка (Sevcenko-Gesellschaft der Wissenschaften)
або Київ, Безаковская 14, книгарня Київ. Старини.